

Александр Уваров

ПОВСТАНЕЦ

Войны начинают, когда хотят,
а заканчивают — когда могут.
Никколо Макиавелли

Александр Уваров

Повстанец

«Издательские решения»

Уваров А.

Повстанец / А. Уваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506612-1

Экспансия расы захватчиков натолкнулась на сопротивление небольшого народа отдалённой планеты. Их борьба была обречена на провал, но в войну вмешалась третья сила...

ISBN 978-5-00-506612-1

© Уваров А.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ОБРЕЧЁННЫЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Повстанец

Александр Уваров

© Александр Уваров, 2019

ISBN 978-5-0050-6612-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ОБРЕЧЁННЫЕ

Цвет заката был тёмно-синий.

Синие тени бежали по зелёному небу, тени росли.

Синий плащ подступающей ночи укутывал небо.

Красные тучи с боками в размашистых оранжевых полосах ползли почти по самой земле, будто ящерицы песчаного побережья; сонные, медлительные ящерицы с раздувшимися боками. Тучи припадали к земле, прижимались к жёлтым холмам и белым цветущим рошам. Тучи превращались в тяжёлый, густой, непроглядный вечерний туман.

Только на короткое время, едва только вспыхнули факелы у Храма Прощения, и серебристый искрящийся свет их отогнал подступивший сумрак, стало немного светлее.

Но лишь немного, и на короткое время. Туман оказался сильнее, и рождённый им сумрак поглотил свет, оставив от него лишь смутные, расплывающиеся, будто тающие в воздушной влаге белые блики.

Старый Энко поднёс ладони к губам и подышал на них.

– Влажно, – прошептал он. – Здесь рядом океан. Совсем близко.

Энко встал и подошёл к молодому ученику, что стоял у ступеней лестницы, ведущей к нижней площадке Храма.

– Холодно, – сказал Энко.

Каэ подошёл к колонне, встал на ступеньку и, подтянувшись, схватился за закреплённый в древнем платиновом держателе факел.

– Не надо, – остановил его Энко.

Каэ замер.

Повернул голову, он с удивлением смотрел на служителя Храма, словно желая удостовериться в том, что он, ученик Храма Прощения, Каэ Денкис, правильно понял своего учителя.

– Да, так, – подтвердил Энко.

– Факел согреет, – не слишком уверенно произнёс Каэ.

Не слишком уверенно – не потому, что сомневался в храмовом факеле (нет, его огонь никогда не подводил!), а, скорее, потому, что только сейчас он понял, что поведение учителя сегодня не такое, как обычно.

Долгие паузы между словами, замкнутость, странная отрешённость от всего, даже от общения с учеником, некоторая путаность речи (или, быть может, сознательная её незавершённость?), застывающий в гипнотической неподвижности взгляд, нарочито замедленные жесты – всё это было необычным для учителя Энко, обычно такого живого, подвижного, вовлечённого в беседу с учениками.

И, поняв это, Каэ начал сомневаться в себе, в своей способности понять учителя, понять то, что от него требуется, чего на самом деле ждёт от него учитель.

– Согреет, – сказал Энко. – Это древний факел. Даже более древний, чем Храм. Тебя не удивляет, Каэ?

Ученик отошёл от колонны. На шаг.

Теперь он стоял рядом с учителем.

– Удивляет?

– Да, удивляет, – повторил Энко. – Здесь всё такое старое. Храм, лестницы, каменные площадки, вырубленные нашими предками в скалах террасы. Факелы служили ещё прадедам тех, кто построил Храм. Наши книги не в воздухе горят зелёными и красными знаками, а написаны по старинке, на плоских гранях кристаллов. Здесь всё такое... древнее. Что уж говорить о камнях и книгах, если даже самое юное дерево в храмовом саду старше меня лет на пятьсот.

А ты... ты молод, Каэ. Если ты благополучно завершишь обучение в Храме и сдашь эти... Бог, Творец мой и защитник, забыл ведь!

И Энко в смущении и досаде хлопнул себя ладонью по лбу.

– Экзамены в Школе Исследователей, – подсказал Каэ.

– Да, да, – прошептал Энко. – Вот ведь голова у меня... Она ведь тоже древняя, Каэ. Так много я в неё сложил: книг, встреч, людей, событий... Так много, что свободного места для новых знаний уже не хватает. Вот ведь досада какая! Никак не привыкну к этим новым словам.

«А Школе лет сто, не меньше» мысленно отметил Каэ.

И усмехнулся с неизжитой ещё, несмотря на женитьбу, недавнее рождение сына и полученную уже в Школе квалификацию младшего исследователя, юношеской иронией.

«Совсем новое слово для него. Сколько же ему лет?»

Сколько раз уже Каэ задавал себе этот вопрос (самого энко он спросить не решался, да и не принято в Храме спрашивать о возрасте служителей, а спросить об этом не просто служителя, а своего учителя – непростительная дерзость).

И не мог ответить. Даже примерно.

Знал только, что Энко старше его отца. И, кажется, даже постарше деда.

Отец умер молодым... Точнее, погиб. Много лет назад. Встретился с Людями Дурных Страстей на одной из отдалённых планет. Кажется, планета та...

«Нет, не помню» признался себе Каэ. «Забыл её координаты. А ведь говорила мне матушка...»

– Да вот, – продолжал Энко. – Всё такое древнее, несовременное. Такое далёкое от тебя, от твоей молодости, от твоей жизни.

«А вот дедушка долго жил» подумал Каэ. «Лет триста, не меньше. Так что и на пол его дома пришлось укладывать новые плиты, и менять облицовку бассейна... А он всё жил. Умер совсем недавно, пережив сына. А у меня как получится? Как у деда? Так же долго?»

– И я вот думаю, – медленно, словно подчёркивая особую значимость слов, произнёс Энко, – думаю о моих учениках. И о тебе в том числе, Каэ. Что я могу дать вам? Что может вам дать Храм? И все эти наши сокровенные...

Энко неосторожно сделал слишком глубокий вдох – и закашлял от попавшего в лёгкие тумана.

Каэ подхватил учителя за локоть и подвёл к лестнице.

– Пора, – сказал он. – Пора, учитель. Воздух становится сырым и холодным.

Энко махнул рукой и, мягко отстранив Каэ, подошёл к ступеньке.

– Сам, Каэ... Ноги мне ещё служат.

Каэ смотрел вслед учителю, медленно, ступенька за ступенькой, идущему вверх. И слышал как подошвы туфель, по старинному рецепту сплетённых из океанских водорослей, тихо шаркают по каменным ступеням.

И слушал как Энко говорит ему, стоящему внизу ученику:

– ...Сокровенные знания. Их древность – не делает ли она их бессмысленными? Эти ваши... как их... звездолёты, посадочные капсулы, исследовательские зонды, скафандры, преобразователи энергии, энергетические поля... Бог мой, как же много я, оказывается, запомнил!

Энко остановился, повернулся к Каэ и задорно подмигнул.

– Много я этих новых слов запомнил, ученик?

– Много, – согласился Каэ. – Я даже не предполагал...

– То-то! – и Энко поднял палец вверх, в сторону скрывшегося в тумане неба. – Много...

Но есть ли польза вам от этих устройств?

– Они помогают нам изучать мир, – ответил Каэ.

– А миру есть польза от вашего изучения? – продолжал вопрошать Энко.

Каэ улыбнулся виновато и развёл руками.

- Мы уже много раз говорили об этом, учитель.
- Ответ на мой вопрос ещё раз, – упорствовал Энко.
- Миру есть польза, если мы спасём кого-нибудь из его детей, – ответил Каэ.
- Какие слова ты научился произносить, – проворчал Энко.

И, отвернувшись, запахнулся в плащ, угол его подняв капюшоном над головой.

«Он на что-то обиделся?» с тревогой подумал Каэ. «Неужели мой ответ показался ему неискренним?»

– Разве мы так хороши? – вопрошал Энко то ли ученика, то ли кого-то незримого, скрывающегося на затянутах тьмою верхних ступенях. – Кого ты собрался спасать, мальчик? Кого вы все собрались спасать? Мир вы не спасёте и не погубите...

Энко поднялся уже на пять ступеней и голос его становился всё тише.

– ...Что вы ищете в этом... космосе? Глупые, юные наследники древнего дома... Вам мало того счастья, которое у вас уже есть? Вы утратили былую безмятежность, веру в нашего доброго Творца, даже веру в свой всемогущий... видите ли... разум... Вы с нарастающим беспокойством вглядываетесь в темноту Космоса, пытаетесь угадать, откуда же придёт к вам... это страшное... безжалостное... пока ещё незримое, но уже живущее Зло. Но скажите мне... Не вы ли сами маните его безумными своими... победами? Путешествиями... туда... навстречу...

Бордовый плащ учителя исчезал в тумане. Сливался с ним.

– Мы не изменим мир! – крикнул вслед учителю Каэ. – Быть может, даже не поймём его! Но...

Каэ замолчал. Ему показалось, что учитель теперь слишком далеко и не слышит его.

Он посмотрел вверх, силясь разглядеть едва проступающие сквозь багровую мглу контуры Храма. На мгновение ему показалось, что над облаками показался плывущий в небо изумрудный купол с белой вязью букв по краям; показался – и растаял, исчез.

Или только видение это было?

Каэ покачал головой.

«Видения... Кто слишком много медитирует... Мы должны быть спокойны».

Он подошёл к самому краю площадки, туда, где каменистый край с бортиком из невысоких плит повис над тёмной пропастью.

И долго смотрел вниз, в темноту. По тихим, почти незаметным движениям угадывая тень подступающей ночи.

Из глубины шахты тянуло сыростью, будто из старого погреба.

– Подземные воды поднялись, – сказал Креди.

Бело-голубой луч фонаря прошёл по стенам, высвечивая чёрные, взбухшие от сырости и давления грунта доски деревянных креплений, напирющие на покосившиеся столбы подпорок.

Время от времени в пятне света мелькали бледно-розовые узоры грибковых колоний, контрастно выделяющиеся на черноте досок и оттого особенно хорошо заметные даже в подземном полумраке.

– Запах тут,.. – сказал Нурис и шумно потянул носом воздух. – Ну, прямо тошнит от этого запаха.

– Терпи, командир, – ответил Креди. – Тут весь отряд пройти должен.

– Пройдет ли? – с явным сомнением в голосе спросил Нурис. – У нас ведь одних бойцов человек сорок. Да ещё беженцы. С детьми, заметь. И сколько их – я, например, до сих пор не знаю. Потому что, проводник наш дорогой, они всё прибывают и прибывают...

Нурис неожиданно замолчал.

Шорох, услышанный ими ещё при входе в шахту...

«Нет, это не грунт осыпается» успокоил Креди.

...недавно едва слышный, еле заметный, вдруг стал стремительно нарастать.

Что-то живое, ещё не видимое, но уже близко подошедшее в нём ползло, пробиралось по шахте, медленно, но безостановочно двигаясь и двигаясь прямо на них.

– Что тут за привидения под землёй? – с иронией (впрочем, явно наигранной) и с откровенным беспокойством спросил Нурис. – Я вот, признаться, думал, что ту и в самом деле какие-то оползни, грунт двигается, а ты меня успокоить хочешь...

– Обижаешь, командир, – Креди отчего-то перешёл на шёпот. – Я никогда бы не повёл отряд в шахту... Да что отряд, и одного тебя бы не повёл, да и сам бы не полез в шахту, если бы видел, или хотя бы подозревал, что в ней обвалы идут. Все шахты года три как заброшены, не ремонтируются. С этим лучше не шутить. Если грунт ненадёжен, крепи окончательно сгнили – так я к такой дыре и близко не подойду. Мне гиблые места известны... Нет, это не грунт, не земля осыпается. Звук другой... Не призраки погибших шахтёров, сказки всё это. Мы, подземные, в это не верим. Тут и без сказок чудес хватает. Под землёй... Похоже...

Креди замолчал, прислушиваясь к шуму, потом отошёл на шаг влево, и осветил проход, что вёл в глубину шахты.

И то, что они увидели, заставило их одновременно отпрянуть назад, будто отброшенным волной внезапно накатившего страха.

Прямо навстречу им, дорогой к выходу из шахты, дорогой к заброшенным лифтовым шахтам – по стенам, по прогнувшемуся каменными волнами потолку, по буро-рыжим, заржавевшим, искорёженным рельсам заброшенной шахтной дороги, повсюду – ползли бледно-серые, полупрозрачно-студенистые, с кругами пигментных пятен, желтоватыми флуоресцентными искрами вспыхивающих под мощным лучом фонаря; ползли необыкновенно крупные, с локоть длиной, подземные слизни.

Слепой поток их ровно и механически-однообразно тёк по подземной галерее, всё более и более заполняя её.

И видно было, что движение это, начавшееся где-то в подземной глубине, настолько сильно и неостановимо, что едва ли успокоится до самого выхода из шахты. Не успокоится до тех пор, пока эти порождения подземного мира, все до единого, не покинут эту вдруг ставшую для них опасной шахту.

– Это что? – охрипшим от волнения голосом спросил Нурис.

Креди потянул его за рукав.

– Пошли, командир. Пошли отсюда...

Отражение света от стен усилилось: ползущие слизни оставляли за собой влажные, отблёскивающие на свету следы.

– Что это? – с тем же хрипом спросил Нурис. – Да объясни же ты! Я в этих ваших подземных делах ничего не мыслю.

– И так видно...

Креди сильнее потянул Нуриса за рукав, увлекая его за собой. Туда, к выходу, на свет!

И на ходу, сбиваясь и путаясь в словах, объяснил:

– Лигмы, подземные слизни. У них под землёй колонии, в основном в пещерах... Раньше были в пещерах... Из-за войны все шахты заброшены... Они, заразы такие, туда полезли...

Нурис едва не споткнулся на ходу (точнее, почти уже на бегу), но проводник вовремя подхватил его под локоть.

– Быстрее! – крикнул Креди. – Нам надо выбраться и переждать. Немного переждать. Лигмы чуют воду, подземные воды поднялись и выживают их из шахты. Лигмы не выносят свет, они не могут долго находиться на свету. Они выползут на поверхность и уйдут к Южной шахте, в параллельный ствол.

– А мы-то как? – прохрипел начинающий уже задыхаться от быстрого шага и подымающийся в воздух пыли Нурис. – Как же мы через воду в шахте пройдем, если даже слизи... эти... и то...

– Это наше спасение! – азартно воскликнул Креди. – Только сейчас не спрашивай... Поднимемся, я объясню... потом... Быстрее!

Они перешли на бег.

Зелёная точка на чёрном фоне. Красная точка на чёрном фоне. Оранжевая точка на чёрном фоне.

Белые точки на чёрном фоне.

Жёлтая пунктирная линия – от зелёной точки к оранжевой.

Линия то изгибается упругой дугой, то выпрямляется резко отпустившей стрелу тетивой, то сворачивается упругими петлями.

– Коррекция курса, – хорошо поставленным командным голосом (не просто так ведь галеты грыз и отсеки драил во флотском училище!) произнёс Кирсти. – Активизирована программа смены курса. Расчёт координат завершён.

– Сколько времени уйдёт на изменение курса? – отозвалась рация внутренней связи голосом командора.

– Пол-хорра, командор! – без задержки и запинки ответил Кирсти. – Мощность двигателя понижена до ноль восьми. По вашему приказу экономим ресурсы корабля.

– Доложи о завершении манёвра, – после секундной паузы отозвался командор. – И свяжись с транспортной эскадрой. Скоро будем в системе «Везер-3», так что...

Командор замолчал. Впрочем, Кирсти, опытный пилот космофлота Республики, и так прекрасно понимал, что произойдёт, когда их корабль войдёт в звёздную систему «Везер-3» и приблизится к объекту с кодовым обозначением «32—46».

Боги, одни цифры, сокращения!

«Всё секреты у нас, секреты» подумал Кирсти. «У меня вот тоже, жена порадовала. У меня теперь тоже секрет. Личный! И секрет зовут Элина...»

И улыбнулся своим, одному ему ведомым мыслям.

СЛУЖБА НАБЛЮДЕНИЯ ЭСКАДРЫ.

ПОСТ 025.

...в 21.12.1 – 02 по бортовому времени отмечен выход боевой эскадры командора Эрхарна в составе... в район звёздной системы «Везер-3».

В связи с началом активной фазы операции... против повстанцев...

...патрульный корабль жандармерии выведен на орбиту объекта...

МЫ НЕСЁМ ВАМ СВОБОДУ! ПРОСИМ ПРИНЯТЬ НАШУ ПОМОЩЬ!

ПРОВОКАТОРЫ ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СИЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ...

Младенец посмотрел в небо, широко раскрыв голубые глазёнки, и с важным видом высунул язык. Потом вытянул руку и показал на птицу, что медленно парила в небе, широко раскинув широкие алые крылья хищного, тонкого, будто остро отточенным грифелем прочерченного профиля.

– Ва-а, – произнёс младенец.

Тейги подвинула к себе старомодную плетёную корзинку с ребёнком, откинула край одеяла и взяла ребёнка на руки.

– Что там? – спросила она. – Кого увидел? Птичку увидел? Птичка там летает?

На сердце у Тейги было спокойно. С полудня эта птица летала над лагерем беженцев...

«Я его знаю» сказал старый шахтёр. «Он в наших краях водится. Гиббер, птица-падальщик. Трупы чует...»

– Язык у тебя отсохни! – прервал его Нурис, командир отряда повстанцев, что приютил у себя беженцев из разгромленного два дня назад карателями шахтёрского посёлка. – Всё ты беду приманиваешь...

– А гиббер карателей сюда приманит, – возразил ему шахтёр.

Услышав это, снайпер Тейкон потянулся было за своей винтовкой, но Нуриси остановил его.

– Никакой стрельбы! – твёрдо сказал он. – Никакого шума. Каратели и так по следам идут. И Тейкон отложил винтовку.

Потом Нурис ушёл с проводником в шахту.

Беженцы расположились на короткий дневной отдых на склоне холма, рядом со входом в шахту.

А птица кругами летала над ними.

И беженцы с замиранием сердца смотрели на кружившую у них над головами птицу, вестницу близящейся беды, и понимали, что не могут ни отогнать её, ни прервать её полёт.

Или хотя бы совсем, совсем не обращать на неё внимания. Забыть о ней.

«Уж не ко мне ли она...» прошептал кто-то.

– Глупо, – отозвался заместитель командира Касси. – Четыре десятка бойцов, и все в небо смотрят.

На время отсутствия Нуриса командиром отряда всегда назначался Касси. Вот и сейчас он обходил посты, проверял занятые бойцами позиции – и чувствовал, как тревога всё более и более охватывает и его и весь отряд.

Он видел, что бойцов не хватает даже для того, чтобы взять под охрану слишком большой для их маленького отряда лагерь беженцев. Он видел, как стремительно тает запас продовольствия. Как не получающие молока дети начинают всё громче и громче плакать. Как быстро тают силы не только у беженцев, но и у самих повстанцев.

«Нас загоняют в ловушку» подумал Касси. «С беженцами мы не сможем оторваться от карателей...»

И тут же оборвал себя, пристыдив мысленно:

«Доболтался, циник! Хватит, Касси, так цепко хвататься за свою дрожащую от страха плоть. Сам же говорил...»

– Да, птичка над нами летает. Красивая такая...

«Но нас и в самом деле загнали в капкан. Если Нурис действительно решил через шахту уходить... С женщинами, детьми? Плохо дело, плохо...»

Эйни, девушка из разгромленного посёлка, давняя подруга Тейги, принесла большую холщовую сумку.

Подошла к корзине и протянула руки к ребёнку.

– Дай его мне, Тейни. Там, в сумке...

Тейни кивнула и протянула ей ребёнка.

В сумке было последнее, что удалось раздобыть вчера, после долгих поисков в заброшенных складах: пакеты с сухой питательной смесью.

«Женщины» спрашивал Нурис. «Кто-нибудь из вас знает, можно ли этим детей кормить?»

Смесь, порошок белого с серыми крапинами цвета, чем-то походил на молочный. Кто-то вспомнил, что такую же смесь разводили водой, кипятили – и использовали для восстановительного питания в геологических экспедициях. Или это был похожий порошок, но не точно такой... В общем, решили, что подойдёт. Тем более, что и выбора никакого не было. В лагере

беженцев было восемь матерей с младенцами, и из них – ни одной кормящей. На беду, после последнего артобстрела у них пропало молоко. У всех.

«Это от переживаний» с видом знатока заметил тогда Касси.

Что, впрочем, и без его замечаний было понятно.

На всякий случай, некоторые из матерей попробовали изготовленный из смеси напитков. Напиток – сладковатый на вкус и, похоже, питательный, никаких дурных последствий не вызвал.

Тогда уж окончательно решили – кормить.

Жаль только, что и этого порошка было немного.

Тейни подошла к костру. Высыпали смесь из пакета в котелок с кипящей водой.

– А это кто у нас, Кетто? – радостно зашебетала Эйни, покачивая младенца. – Это кто к тебе в гости пришёл? Тётя Эйни к тебе пришла...

«Тётя» Касси горько усмехнулся. «Сама недавно ещё в школу бегала в своём посёлке... Как там он назывался? Забыл, забыл... Да, а вот теперь тётей стала. Не слишком ли быстро девочки теперь взрослеют? Да и парни наши...»

– Нурис! – раздался чей-то крик.

Кажется, кричали со стороны шахты.

– Нурис возвращается! С проводником...

– Тише! – сердито прервал кричавшего Касси. – Приказа о маскировке не слышали?

– Какая там маскировка, – прошептал стоявший рядом Тейкон. – Дети кричат, костры дымят... Нас уж раз сто засекали разведчики «серых». Или, думаешь, нас деревья так хорошо закрывают?

– И ты помолчи, – с нарастающим раздражением заметил Касси. – Заметили, не заметили... Все тут стратеги!

«Разошёлся, начальник» подумал Тейкон. «Тоже мне...»

Тейкону, совсем ещё молодому парню, бывшему лесорубу из далёкого зелёного края в тропическом поясе Стенны, пожилой уже (по меркам Тейкона) бывший инженер-механик космопорта Касси казался...

«Ворчливым стариком! И занудой! И вообще...»

Тейкону иногда начинало казаться, что, по крайней мере, треть всех бед происходит потому, что к его словам не прислушиваются. Хотя именно лесорубы всегда славились своей рассудительностью и здравомыслием.

«А я ведь ещё и лучший снайпер в отряде!»

Тейкон очень гордился своим снайперским мастерством. И особенно тем, что оружие (и снайперское, и штурмовое... да разное! кроме, разве что, огнёмётов да ракетных установок, да это-то не в каждом отряде найдёшь, а вот стрелкового оружия пока на всех хватает) он освоил сам, без помощи профессиональных военных (впрочем, планета Нейри всегда была мирной, в колониях поселенцев от момента основания и до начала Сопrotивления военных не было... так, полицейские только).

Гордился, и очень обижался от того, что его, лучшего снайпера, к обсуждению военных вопросов как раз и не привлекают.

«И напрасно!»

Но что, помимо крика, показалось Тейкону странным, необычным,стораживающим.

В лагере беженцев явно началось какое-то движение, ещё не паническое, но уже очевидно беспокойное, рождённое нарастающим чувством страха.

Эйни инстинктивно прижала ребёнка к груди, потом передала безмятежно засопевшего от укачиваний младенца матери.

Потом подошла к Касси и тронула его за плечо.

– Я, простите, недавно к вам присоединилась и не знаю ещё, как вас зовут...

– Касси, – представился тот.

Голос его звучал сухо и даже отчасти сердито. Он так же услышал этот неприятный, нарастающий шум в лагере и общее беспокойство. Потому был вовсе не настроен беседовать с этой так некстати подошедшей с какой-то просьбой (а как иначе! конечно, с просьбой, он же заместитель командира отряда, с мелочами к нему не обращаются) совсем ещё юной и наивной девчонкой, которая, хотя и пережила немало бед на коротком своём веку (а кто их тут не пережил с начала войны?), но наивности своей пока, видно, так и не утратила.

Вот и сейчас пристаёт с каким-то просьбами... в такой момент.

«А вдруг „серые“ нагрянули?» с беспокойством подумал Касси.

Нет, не должны были. Разведка абсолютно точно докладывала: у карателей пока мало сил, они разбросана на большой территории. Пока отряды карателей стягиваются, сжимают кольцо вокруг повстанцев, заталкивают их в горную лощину, загоняют в ловушку. И специально не препятствуют колоннам беженцев присоединяться к группам повстанцев. Каратели знают: беженцы лишают повстанцев мобильности. А мобильность – это оружие.

Но штурмовать сейчас не должны... Они ещё не готовы, да и авангарды карателей не подтянулись настолько близко. И не слышно стрёкота вертолётов, а без прикрытия с воздуха каратели даже самые малые группы повстанцев стараются не штурмовать...

«Или это спецназ?» подумал Касси.

И от внезапно подступившего страха холодная испарина выступила у него на лбу.

Пока, по счастью, мало кто из повстанцев сталкивался со спецназом «серых»... А уж в живых после таких столкновений вообще остались единицы. Но командирам отрядов и их заместителям известно точно: спецназ умеет подкрадываться незаметно и появляться там, где его не ждут. Где его и быть-то не должно.

– Господин Касси, очень приятно! А меня зовут Эйни, я из посёлка...

– Я знаю, сударыня, знаю! Простите, но у меня сейчас нет времени на беседу с вами. Давайте продолжим разговор позже, как-нибудь...

«Как-нибудь...»

Касси усмехнулся.

«Оптимист. Если шум из-за карателей, то мы уже до вечера едва ли доживём...»

Касси подхватил автомат, надел пояс с прикрепленными к нему запасными обоймами и побежал вперёд, на ходу бросив:

– Тейкон и Глак – за мной. Дегер остаётся на посту. Глак, не жадничай, оставь ему пару обойм. Тебе трёх хватит!

Глак, молодой парень, бывший техник космопорта (ещё в мирное время он тянул проводку электросетей космолётов в технической службе под руководством Касси... и даже сейчас, во время войны, по странной иронии судьбы снова оказался в его подчинении, чем ужасно тяготился) выхватил из подсумка две обоймы, кинул их оставшемуся на посту Дегеру и побежал вслед за Касси, помахав на ходу Эйни:

– Пока, красавица! И не приставай к Касси, злой он какой-то сегодня. Лучше ко мне приставай!

– Трепло, – угрюмо бросил прошедший мимо Тейкон.

И снял винтовку с предохранителя.

Пятое утро встречал Каэ на этой далёкой планете. Их исследовательская база стояла на берегу океана, тяжёлые оранжевые волны которого мерно, вал за валом, с ровным и с начала времён непрекращающимся гулом накатывали на каменистый, чёрными плитами сложенный берег.

Необитаемая, недавно открытая их исследовательской экспедицией и потому не получившая пока никакого имени планета встречала вместе с Каэ своё очередное утро.

Этот мир был юн, светел и неистов.

В тропиках гремели нескончаемые бури, в северных широтах шли дожди (тёмная жидкость потоками лилась с неба и даже самая мощная защита исследовательских зондов с трудом противостояла напору этой агрессивной жидкости, а подключать защитное поле исследователи не решались, не зная точно, как отреагирует планета на такую вольность).

Ближе к полюсам задували буранные ветры, и падал снегом замёрзший аммиак.

А здесь, в субтропиках планеты, в местах спокойных и тихих, бушевал лишь юный океан.

Исследования подходили к концу и космонавты готовились к отлёту на базовый корабль.

Чем меньше времени оставалось до отлёта, тем беспокойней становились сны Каэ. Он когда-то слышал от ветеранов межзвёздных экспедиций, что космос и удивительные его миры воздействуют иногда самым удивительным образом на сознание, порождая не только странные сны, но и кошмары, видимые наяву.

Сознание, лишённое привычных опор бытия, начинает лихорадочно выстраивать свой собственный мир, в котором детали прошлой, обыденной, простой и понятной жизни вдруг начинают самым причудливым образом переплетаться с картинами иного, непознанного ещё инопланетного бытия, либо с выдуманными образами и вовсе несуществующих миров, а то и рождает в болезненной усилении неведомо из каких глубин подсознания взявшихся монстров.

– Но это не то, – прошептал Каэ. – Всё не то...

Его сны были иные: реалистичные, без химер и кошмаров, без немых криков и бега на месте, без чудовищ и странных незнакомцев.

Его сны были просты и понятны. Картины прошлой жизни, воспоминания... Разве только необыкновенно яркие, восстановлены во всех деталях, каждым мгновением своим восставшие в памяти. И не только образом: запахами, звуками, ощущениями той, прошлой, отлетевшей прочь, скрывшейся в небытие прожитого жизни; возвращённым временем входили сны в сознание.

И не было бы, возможно, в них ничего странного, тем более пугающего, если бы...

Если бы не выбор картин еженощных снов.

Если бы Творец Мира и Хозяин Снов, которого почитали когда-то в прошлом на его родной планете, не подарил бы Каэ именно такие сны.

Сны-размышления. Воспоминания о чём-то, быть может, самом важном, что было в его жизни.

Или... сны-предупреждения?

Каэ встал с постели. Карлик, робот-слуга, забавная механическая многоножка, паучье-стремительно перебирая серебристо зазвеневшими лапками, быстро подбежал к нему и важно (да, важно, запрограммировали шутники из информационного центра именно менторские интонации в его голосе) произнёс:

– Доброе утро, уважаемый Денкис. Надеюсь, сон ваш был лёгок и приятен?

– Напрасно надеешься, дорогой Карлик, – со вздохом ответил Каэ. – Сон был... Может быть, чем-то и приятен. Но, увы, не лёгок. Совсем не лёгок.

На сферической поверхности Карлика мелькнул красный огонёк индикатора.

Робот явно испытывал затруднения с подбором подходящей реплики.

«И что я издеваюсь над машиной?» упрекнул себя Каэ. «Это же робот-помощник, а не машина-философ. Впрочем, видел я этих стальных философов в Академии... Ни один диспут не могут выиграть, а чуть что – сразу отключаются. Перегрелись, якобы... Не верю я в эту машинную философию».

– Не трудись, помощник, – сказал Каэ роботу. – Похоже, подходящая вербальная матрица в твоей памяти просто отсутствует. Приготовь мне лучше ванну с зелёной бодрящей смолой. Зелёной как небо нашего мира. Помнишь небо?

– Помню, – ответил Карлик. – Хотите посмотреть видеозапись? Пейзажи, времена года?

– Нет, – ответил Каэ. – Только ванну, друг мой. И свяжись заодно с другом Мастером Очага, выясни-ка у него по старом машинной дружбе, чем он нас сегодня потчевать будет.

Мастером Очага члены экспедиции (конечно, с лёгкой руки... точнее, языка...) называли кухонного робота, кубообразную машину с множеством рук-манипуляторов, покрытых растягивающейся гофрированной оболочкой. Большую часть времени Мастер Очага молчаливым белым кубом неподвижно стоял в углу обеденного зала. Но ближе ко времени трапезы, точно следуя расписанию, с тонким свистом подлетал в воздух, замирал на мгновение, а потом важно проплывал в кухню, на ходу сигналами передатчика дистанционно включая плиты, пищевые синтезаторы и кухонный кондиционер.

По меткому замечанию Ольвеса, командира экспедиции, Мастер Очага напоминал в этот торжественный момент начала готовки не обычного домашнего робота, а важного, надменного мажордома, управителя старого замка, верного слугу благородного рыцарского рода, что прямым из древних, доисторических времён прибыл на эту исследовательскую станцию. Разве только по дороге потерял положенный мажордому синий плащ, трость с платиновым набалдашником и белый, отложной, вышитый алой нитью воротник. Стал просто... очень важным роботом.

Но положенного его сану высокомерия не утратил даже в таком облике.

«А давайте ему плащ пошьём?» как-то предложила Эллинес.

Весёлая девушка! Пожалуй, единственная из известных Каэ химиков, не утратившая способности так беззаботно смеяться. Остальные её коллеги – угрюмые ворчуны...

Обычно предложения Эллинес принимали, и без долгих дискуссий. Но с плащом ничего не вышло. Мастер Очага услышал предложение девушки, отчего-то обиделся и отключился. Полдня пришлось его уговаривать, устраивали даже телеконференцию с программистом-психоаналитиком, что специально для таких вот капризных аппаратов держал кабинет и лабораторию на базовом корабле.

Но Мастер ремонта и особых уговоров не потребовал. К вечеру включился сам.

И всем казалось, что свист его при полёте в кухню был каким-то укоризненным и недовольным.

«Нет, беда с этими роботами» подумал Каэ.

– Ванна готова, – сообщил по внутренней связи Карлик. – Господин Денкис, вам вызов от Элмета.

– Соедини, – сказал Каэ. – Выведи на экран в спальне.

– Замечу, господин Денкис, что вы не одеты, – с некоторым недоумением и даже упрёком в голосе (наигранными, конечно, ибо такие уж процедуры прописали домашнему помощнику, в том числе и поправлять неразумного хозяина) заявил Карлик. – Возможна и голосая связь.

– На экран, – твёрдым и уверенным голосом повторил Каэ. – Коллегу можно потерпеть, даже если он сонный и хмурый... Кстати, что на завтрак?

«Мне нужно видеть. Именно видеть. Глаза людей...»

– Напиток из корней релии, лепёшки токса, жареные плоды кетво, – чётко отрапортовал Карлик. – К лепёшкам будет подан белый соус.

«Вот только плоды для соуса мы ещё не научились выращивать на океанских шельфах» подумал Каэ. «Многому ли мы вообще научились? Думаем, что в равновесии с мирозданием... Но мы же не одни. Да и мы не совершенны... Только думаем, наш путь – правилен. А если...»

Он помотал головой, словно отгоняя эти мысли. Остатки одного из тех снов, что смущали Каэ в последние ночи.

– У тебя, друг, хорошие отношения с Мастером, – заметил Каэ, запахиваясь в халат. – Как это у тебя получается?

– У уважаемых людей и слуги пользуются уважением, – ответил старой пословицей Карлик.

«Надо же» подумал Каэ. «Совершенствуется железяка на лапках! Уже освоил лёгкий подхалимаж... Те ли книги он по информационному каналу заказывает? Как бы исправлять его не пришлось...»

– Присмотри за ванной, – сказал Каэ. – Я постраюсь недолго...

«Нужно, чтобы и мои глаза были видны... Со мной что-то не так. Не так!»

Экран в спальне засветился ровным розовым светом.

Гравилёт с надсадным воем на бреющем полёте прошёл над покинут посёлком. Руины домов ещё дымились, свежей золой пылили улицы и тёмный от крови песок ветром поднимался в воздух.

Солдаты Республики слишком быстро ушли из разгромленного ими посёлка: не успели стащить тела расстрелянных в яму и сжечь напалмом. Да и саму яму не успели выкопать.

Трупы лежали на улицах... точнее, бывших улицах. Откуда взяться улицам, если нет домов?

Трупы мужчин, женщин, детей.

Раскрытые рты. Глаза с отражением неба. Ноги, потерявшие землю.

Лбы с чёрно-красными точками пулевых отверстий. Груды и животы, в клочья разорванные пулемётными очередями. Разбитые прикладами затылки...

Они лежали повсюду – в беспорядке. В ненавидимом Республикой беспорядке.

В тщетной попытке спастись. В прерванном беге. Оборвавшейся жизни.

В попытке преступно нарушить любимый Республикой порядок.

Порядок, с которого начинается Свобода.

Теперь Порядок и Свобода пришли к ним.

Только случилось это как-то очень неожиданно, так что некоторые из убитых и после смерти удивлённо смотрели в небо, будто и сейчас, после смерти, пытаясь запоздало понять...

Как же получилось-то так?

Им странно было быть мёртвыми.

Гравилёт пошёл на второй круг, развернулся, подлетел к площади. И замер.

Лётчик включил камеру внешнего обзора.

Видеокамера блеснувшим на солнце глазом оглядела жёлтым песком усыпанную площадь, что лежала теперь под стальным брюхом гравилёта.

Лётчик настроил картинку на экране, пригляделся... И в ужасе надавил на кнопку выключения.

Нет, возможно...

«Мне показалось» прошептал лётчик. «Не может быть, в самом деле! Не может... Мне показалось, я не видел! Не видел...»

Теперь он нещадно ругал себя за то, что зачем-то включил обзор.

Кого он хотел найти? Оставшихся в живых?

Или этих...

Да, здесь на площади. Здесь был настоящий порядок.

Тремя (он успел заметить – тремя!), ровными...

Тошнота подкатила к горлу и лётчик стал глотать ставшую вдруг тягучей слюну.

...рядами лежали мёртвые... убитые младенцы. Похоже, перед убийством их распеленали.

Потом клали на землю, вот так, аккуратно, чтобы общий ряд получился ровным. Клади на землю, а потом убивали. Прикладом разбивали череп.

И оставили так, рядами. Неживых – наедине с чьей-то злою волей приманенной на площадь ненужной, особенно страшной рядом с младенцами смертью.

Лётчик отпустил ручку управления, схватился за виски и зашептал молитву.

– Смотрящий, – взорвался криком динамик, – говорит Смотрящий! Борт-пятнадцать, что за шум у вас?

«Микрофоны» с тоской подумал лётчик. «В кабине микрофоны, эти гады в штабе всё слышат... Осторожней надо... Боги, смилуйтесь! Меня в дыру загонят либо я тут сам с ума сойду. За что же это мне?»

Лётчик сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

«Всё хорошо... хорошо...»

– Борт-пятнадцать – Смотрящему, – подчёркнуто спокойно отрапортовал лётчик. – Постороннего шума нет, вслух для себя комментирую картинку на экране.

– Что внизу? – спросил Смотрящий.

– Движения нет, – ответил лётчик. – Всё чисто!

При слове «чисто» почему-то опять стало тошнить.

«Нет, не надо... Я хороший, хороший! Правда!»

– Обработать! – отрезал Смотрящий. – Залп – и никаких следов.

– Принято, – ответил лётчик.

И, переведя передатчик на резервную волну, произнёс в микрофон:

– Всем штурмовым группам...

Ему показалось, что говорит он медленно, почти по слогам.

– Говорит борт-пятнадцать. Обработка местности! Всем покинуть квадрат один-один. Осторожней, рябета, поджаривать буду на полную мощность!

«Никаких следов...»

Он, конечно, не произносил этих слов даже шёпотом. Просто подумал.

«Проклятые микрофоны! И что за демоны вас придумали!»

Впрочем, он знал, что за демоны нашпиговали кабины всех гравилётов подслушивающими устройствами и системами контроля.

Эти демоны – инженеры из технической службы полевой жандармерии.

– Ах, красавица, я весь в огне! – запел динамик.

«Вот шутники!» подумал лётчик. «Это Генфер дурачится... Нашёл время!»

– Кто эфир засоряет?! – рявкнул Смотрящий. – Борт-одиннадцать, это вы?

– Я! – весело ответил Генфер. – Поднимаю боевой дух товарища!

– Ещё раз так поднимете – отдам под трибунал, – пообещал Смотрящий.

Генфер промолчал в ответ. Впрочем, мысли его лётчик и так мог угадать.

У самого были такие... нелояльные.

Разве только мотив дурацкой песенки, что распевали они вместе с Генфером в отпуске в одном из кабаре Готтарда, в такой момент показался ему неуместным, точнее – неуместно, едва ли не издевательски, легкомысленным.

«Но Генфер далеко» успокоил себя лётчик. «Он не видит то, что вижу я... Весь в огне! Скажет тоже...»

Лётчик слегка потянул ручку управления на себя и увеличил тягу планетарных двигателей.

Гравилёт послушно пошёл вверх, с небольшим наклоном вправо, по полукругу уходя в высоту.

– Эшелон-три, – доложил лётчик. – Внимание! Удар!

Он нажал кнопку запуска плазменной установки. В днище гравилёта отошли в стороны крышки люков, закрывавших излучатели плазменных установок.

Бортовой компьютер автоматически затемнил стёкла кабины и вывел на экран на пульте управления увеличенную картинку: улицы посёлка, схваченные линиями красного, размеченном рядами цифр, перекрестья прицела.

«Я ведь точно над площадью» подумал лётчик. «Или... шагов на сорок в сторону?»

И потёр виски, с трудом удерживаясь от желания инстинктивно зажмуриться.

«Чего раскис?» упрекнул он себя. «Первый раз, что ли?»

Бледно-голубое сияние волнами пошло по корпус гравилёта, свист двигателей сменился надрывным гудением – и плазменные установки с рёвом извергли вниз потоки слепящего, белого, испепеляющего, мертвящего света.

На экране квадраты бывших кварталов посёлка исчезли в белой, клубящейся и вспыхивающей короткими огненными всполохами серой пелене, синими искрами по экрану пошли помехи.

В доли мгновения огонь поглотил остатки жилищ, тела погибших, саму память о бывшей здесь жизни, и почерневшая земля покрылась быстро спекающейся от жара каменеющей коркой.

Серая пелена чернела, раскалённый воздух поднимал вверх облака тёмного пепла.

Пепла, в который обратились люди, дома, книги, цветы на полках, блокноты с расписанием ненаступившего дня, именные записки с обещаниями долгой и счастливой жизни, подарочные адреса, нити с узелками на память...

Одежда, машины, тележки с продуктами, шкафы с медикаментами, полки с непросроченными продуктами.

Всё, всё, всё – копившееся годами.

«Никаких следов» повторил лётчик. «И эти... на площади...»

И некстати посмотрел на фотографию, на приборной доске.

Элмет ждал его в зале для упражнений.

Тренер Кетз (робот, собранный из гибких блоков органопластика) помигивал попеременно шестью выпученными фасеточными глазами, гоня несчастного Элмета по беговому кругу.

– Затраты энергии недостаточны, – бубнил Кетз, пластиковым шаром перекатываясь из одного угла зала в другой. – Я так же рекомендую занятия на тренажёрах, программу для которых...

– И слушать тебя не хочу! – кричал ему в ответ запыхавшийся Элмет. – Каждый кусок пластмассы... воображает... себя...

– Не отвлекайтесь, господин Элмет, – безжалостно обрывал его Кетз. – Разговоры сбивают дыхание. И ещё рекомендую вам...

– Каэ! – радостно воскликнул Элмет, заведя в дверях зала Денкиса. – Заходи же скорей. И спаси меня от этого мучителя!

Денкис переступил через скатанные в рулон маты, сложенные у входа, и, широко раскинув руки, побежал навстречу Элмету.

– Стой! – с наигранной строгостью сказал Каэ. – Властью старшего пилота останавливаю тренировку и требую отчёта, по какой причине лишили меня завтрака!

– Спаситель! – и Элмет бросился ему на шею. – Если бы не друзья...

И, повернувшись в Кетзу, бросил ему подчёркнуто небрежно:

– Сам видишь, почтенный тренер, занятия окончены. Ступай-ка в свой угол и жди там новую жертву!

– Я записал последнее упражнение в долговременную память, – заявил Кетз, и в голосе его явно послышались нотки злорадства. – В следующий раз, господин Элмет, мы начнём занятия именно с этого упражнения. А потом будет разучивать упражнения из древней, благородной борьбы эклит!

Кетз блеснул одновременно всеми глазами, и, свернувшись в шар, откатился в самый дальний угол зала.

– Слышал? – спросил Элмет.

Впрочем, вопрос этот был явно риторическим. Конечно, Каэ слышал.

– Наши роботы эволюционируют, – заметил Денкис. – Они уже не подражают нам, а, выстраивая собственную систему эмоциональных связей, пытаются общаться с нами на равных. Закономерный итог наших усилий по усложнению их психики...

– Ещё чего! – возмутился Элмет. – Этак им собственные роботы-слуги понадобятся... Ох, пугает меня, Каэ, этот прогресс.

Элмет подбежал к вешалке, набросил покрывало из полупрозрачной ткани и, сбросил на ходу сплетённую из мягких трав обувь для спортивных занятий, побежал в сторону душевых кабинок.

– Каэ, составь компанию! – Элмет махнул рукой. – Знаю, что душу ты предпочитаешь ванну, но хотя бы постой рядом. К сожалению, у нас мало времени.

– Что-то срочное? – спросил Каэ, с некоторой опаской подходя к душевой кабинке (этим утром он надел новый костюм: белые брюки свободного покроя и белую куртку с серебряными застёжками... ближе к вечеру, кажется, должен был быть сеанс видеосвязи с родной планетой, и хотелось выглядеть мужественным красавцем-пилотом, а забрызганным водою потешным клоуном... хотя сына, может быть, это зрелище и развеселило бы).

– Не бойся! – успокоил его Элмет и подошёл к панели управления душем. – Сейчас сделаю экран...

Он нажал на кнопку – и синяя пелена сгустилась между ним и Денкисом.

– Ни одна капля не проскочит, – уверенно сказал Элмет.

– Какой душ хотели бы принять? – отозвался динамик душевой кабинки, среагировав на движения Элмета.

– Сокращённый вариант, утренний, температура тела, – ответил Элмет.

И строгим голосом добавил:

– Никаких мне контрастных струй! Знаю я вас, шутников!

– Не беспокойтесь, – ответил душ. – Включить контроль пульса? Сердцебиения?

– Ни в коем случае! – оборвал его Элмет. – И приступай немедленно, а то я начну сердиться.

Душ коротко пискнул в ответ и с разных сторон стал окатывать закрутившегося и запыхтевшего Элмета струями тёплой воды.

– Ой, Творец! – радостно вскрикивал Элмет. – Вот это счастье! Вот это ты хорошо постарался! И массажный душ по спине, пожалуйста...

Денкис отошёл в сторону и присел на скамейку возле душа.

– Что же случилось, Элмет? – спросил он.

Фырканье на миг прервалось. Каэ показалось даже. Что Элмет замер.

– Чуть давление убавь, – сказал Элмет и струи стали заметно меньше. – Вот так, да...

– Сообщение с базы? – продолжал допытываться Каэ.

Конечно, он понимал, что не слишком-то вежливо приставать к моещемуся в душе человеку с расспросами, особенно если этот человек изрядно вымотан утренней тренировкой, да и к тому же занимает важную и хлопотную должность руководителя мобильной группы экспедиции и заместителя самого Ольвеса.

Но любопытство... Точнее, не любопытство, а смутное беспокойство не давало ему покоя. И отчего-то казалось, что спешный этот вызов каким-то образом связан с...

«Да нет, не может быть!» одёрнул себя Каэ.

Но не выдержал, и додумал странную, шальную эту мысль: связан с теми снами, что не отпускали, преследовали его все последние ночи.

– Сообщение? – переспросил Элмет. – Да, угадал. Как тебе это удаётся, Каэ?

– Что именно?

– Угадывать мысли, – пояснил Элмет. – Вот и Эллинес считает, что это именно ты догадался и посоветовал ребятам из лаборатории преподнести ей в подарок зелёный кристалл из берегового разлома. Она, оказывается, очень любит зелёные кристаллы, цвета неба. Но никому об этом не говорила... Неужели ты догадался?

– Я, – признался Каэ. – Но не знаю, была ли это догадка или просто совпадение. Меня просили посоветовать, какой подарок лучше... Элмет!

– Слышу, – отозвался тот.

И добавил, обращаясь к управляющему блоку душевой кабины:

– Всё, хватит! Теперь горячий воздух. Только не поджарь меня!

– Не беспокойтесь, – ответил душ, мигнув огоньками индикаторов. – Болевые ощущения исключены!

– Нет, не верю машинам, – завёл прежнюю песню Элмет. – Помню, много лет назад, в одной из первых экспедиций, был у нас экспериментальный робот, машина для сбора образцов. И вот, вздумали мы...

В душевой кабине зашумели вентиляторы, нагоняя потоки горячего воздуха.

– Подожди! – спохватился Элмет. – Ты что-то хотел сказать?

– Да, хотел, – согласился Каэ. – По поводу угадывания мыслей, интуитивных догадок и прочего... Кажется, наши предки, по крайней мере, некоторые из них были уверены, что только безумцам дано быть пророками и угадывать будущее. Если я начинаю прозревать, то, наверное, потому, что с головой моей и впрямь происходит что-то странное.

– Неужели? – не слишком, кажется, встревожившись от его слов, спросил Элмет.

Быть может, он вообще не понял, о чём идёт речь. И Каэ поспешил пояснить:

– Сны, Элмет. В последнее время сны стали странными...

– Чудовища, змеи, призраки? – с иронией переспросил Элмет. – Или прекрасные девушки из Страны Оранжевых песков? Ах, Каэ, что нам, бедолагам, только не снится! Бывает, что и самый безобидный сон выводит из равновесия. Я вот однажды жену и дочь во сне увидел... Хорошо, вроде бы? Так ведь дело в очередной экспедиции было... так расчувствовался, что полдня ходил, ничего не видя и не соображая. Будто отвара из лишайников обпился... А у тебя что?

– Какой-то... калейдоскоп, эпизоды, картинки из прошлого, – после недолгого молчания ответил Каэ. – Точнее, не картинки, а целые сцены, события... Возможно, не понятые мною, не оценённые до конца события из моего прошлого возвращаются ко мне в моих снах. Прошлой ночью, например, я увидел Энко...

– Кого? – переспросил Элмет.

И скомандовал душу:

– Хватит, друг-банщик. А то я вспотею, и придётся мыться снова.

– Всегда готов, – ответил душ и выключил сушилку.

Элмет нажал на кнопку – и створки в стене душевой кабинки бесшумно разошлись. Из проёма в стене на пластиковом телескопическом держателе выдвинулась вешалка с накиннутым на неё халатом.

Элмет набросил его на себя, небрежно, одним движением завязав широкий пояс, и снова нажал на кнопку. Держатель с вешалкой исчез и створки так же бесшумно сомкнулись.

– Экран! – скомандовал Элмет и синяя пелена исчезла.

– Энко – мой учитель, – пояснил Каэ. – Когда-то я проходил духовную практику в Храме... Давно, много лет назад. И у меня был разговор с учителем... Об опасности, навстречу которой мы все идём... Это было давно, мой сын ещё тогда не родился. Я был ещё молод... Я разговаривал с Энко о полётах, выходе в пространство Неведомого... Молод был, возможно – глуп и излишне горяч. Как старик терпел меня? Он терпел, он говорил мне... Тогда я не понял... только сейчас... Давние времена, давние. Сон неожиданно напомнил мне об этом.

Я не понимаю, Элмет, зачем мне это всё. Как будто дух-хранитель предупреждает меня о чём-то. И не только меня, всех нас. Он пытается сказать, быть может – уже сказал, но речь его мне не понятна... и потому я в смятении.

– Дух-хранитель? – с иронией в голосе переспросил его Элмет.

Он вышел из душа и пытался теперь пригладить волосы, с усилием проводя по ним ладонями.

Каэ встал со скамейки, почувствовав, что вступление закончилось и сейчас начнётся официальная часть разговора.

– Да ты помнишь об этих суевериях! – воскликнул Элмет. – А пилот должен верить не в древних духов, а в свой корабль.

«Срочный вылет!» догадался Каэ. «Вот зачем я ему так рано понадобился. Что же случилось? Пилотов из экспедиций отзывают редко, разве только... Что-то случилось на Рубеже?»

Рубежом исследователи называли пограничную область космоса, неизученную область планетарных систем, планеты которых не посещались экспедициями Мира из-за их удалённости от границ Обитаемого Пространства.

Либо (что так же встречалось) крайней агрессивности органики или планетарной среды этих заброшенных миров.

Там не было ни научных станций, ни космодромов, ни посадочных площадок, ни биологических модулей, ни орбитальных площадок – ничего.

Область Рубежа находилась в забвении и лишь изредка, не более двух раз в один планетарный цикл, посещалась отдельными экспедициями на специальных, особо защищённых космолётах.

Признаться, обычно такие экспедиции добром не кончались да и с познавательной точки зрения были не слишком полезны.

Потому Совет изучения дальнего космоса не одобрял подобные экспедиции. Но и вовсе отменить не мог: многие научные станции находились в областях, близких к Рубежу, и их безопасность зависела от того, насколько своевременно удастся отследить угрозы, исходящие из рубежной области космоса.

И что... Очередной удар?

– Свой корабль, – повторил Элмет. – Он тебе пригодится. Странное дело, Каэ.

– Вызов с базового корабля? – спросил Денкис.

– Точно, провидец! – и Элмет с притворным испугом приложил ладонь у груди. – От тебя действительно ничего не скроешь. Срочный вызов, Каэ, даже очень срочный. Потому решил вызвать тебя до завтрака. Сейчас техники готовят взлётный модуль. Заправка корабля закончится через две стерры. Упаковку с завтраком тебе загрузят в кабину, поешь в пути. Там всё просто, по походному. Но Мастер Очага нас простит.

– Что случилось, Элмет? – спросил Каэ. – Тебе сказали?

– Очень коротко, – ответил Элмет. – В общем, мне нелегко тебе это говорить...

«Потому ты и тянул» мысленно отметил Каэ.

– ...Похоже, задание тебе предстоит сложное. На базовом корабле для тебя подготовили звездолёт. Особый тип, для дальних экспедиций...

– Полёт на Рубеж? – прямо спросил Каэ.

Элмет кивнул в ответ.

– Только ты не думай, я возражал... Нам самим нужен опытный пилот, я так и сказал. Но решение руководства исследовательского центра... В общем, ты единственный из пилотов экспедиции, кто имеет опыт пилотирования в рубежных областях. Там особые условия. Звездолёт полностью автоматизирован, бортовые системы очень высокого уровня, но требуется пилот для...

– Понял, Элмет, – с мягкой улыбкой прервал его оправдания Каэ. – Потребуется пилотирование в ручном режиме. Не впервой, Элмет. Справимся.

– В общем, детали на базе сообщат, – со вздохом закончил Элмет. – Насколько я понял, прервалась связь с одним из космолётов... Ты это, комнату не закрывай...

И Элмет заговорщицки подмигнул.

– Верная примета, точно говорю. Не закрывай. Тогда быстрее вернёшься. Туда – и обратно. Дня три уйдёт, не больше. А жене сообщим, что ты вездеход вывел в Скалистый край, там со связью проблемы. Она и волноваться не будет. А потом...

– Ладно, сказочник, – сказал Каэ. – Пойдём, передашь мне полётную карту.

– А то ты не знаешь, где у нас база, – ответил Элмет.

И тяжело вздохнул.

– Формалист... Я вот в халате, после душа...

«Совесть» подумал Каэ. «Сердце у тебя не на месте от таких заданий. Не любишь ты... отправлять пилотов...»

И похлопал Элмета по плечу.

– Вот только не вздумай тут переживать! А то я подумаю, что ты совсем моё мастерство не ценишь.

Раскрыв рот, замерев от удивления, смотрел Тейкон на бледно-серый поток подземных слизней, выползающих из чёрного зёва шахты. Поток этот медленно стекал с крутого склона холма, заполнял расщелины в скальной породе и уходил серой полосой в сторону лесной долины.

Тейкон видел, что напор в мощном этом потоке нарастает: ряды подземных слизней напирала друг на друга, иногда будто накрывали друг друга волнами. Слизней, что ползли по бокам потока, прижимало к деревьям общим напором колоссальной этой биомассы, поднимало к самым ветвям деревьев.

Поток обтекал стволы росших на склоне деревьев, чёрные, с красными пятнами мха, валуны.

Шелест и шорох, треск веток, грохот протаскиваемых потоком мелких камней – все эти звуки росли, сливаясь в пугающую и нервную какофонию исхода.

Беженцы отходили всё дальше от того края лагеря, что был ближе к шахте. Некоторые, бросив мешки, рюкзаки и палатки, бросив весь свой нехитрый походный скарб – бежали прочь, подальше от пугающего этого (хотя и никому пока не повредившего) потока.

Тейкон, хоть и был не робкого десятка, тоже невольно попятился назад. И почувствовал, что спиной упёрся к кого-то, кто стоял сзади (незаметно подобравшись... вот она, главная опасность шума: и не услышишь, как со спины подкрадутся!) и смотрел, должно быть, с тем же любопытством, на движение подземных жителей.

Тейкон стремительно обернулся.

– Нурис! – радостно закричал снайпер. – Вот уж, честно говоря, не ожидал!..

– Чего не ожидал? – с притворным недовольством спросил командир. – Думал, нас с Креди проклятые лигмы утащили?

– Кто? – переспросил Тейкон.

Житель лесов, он сроду не бывал в шахтах и подземных городах Нейри, потому практически ничего не знал о странных существах, населявших подземелья планеты.

– Лигмы, – пояснил подошедший ближе проводник.

Видно были, что и командир и Креди лишь недавно пришли в себя после короткого, но очень быстрого бега. И, если привычный к нагрузкам Нурис успел восстановить дыхание, то недавно выброшенный войной из тихой, мирной жизни проводник с непривычки приходил в себя долго, и дыхание его продолжало оставаться сбивчивым и неровным.

– Слизни подземные, такие, – пояснил Нурис.

– Да, – подтвердил проводник. – Лигмы. Уходят...

Нурис огляделся, выискивая среди собравшихся бойцов Касси. Конечно, он был уверен, что его заместитель где-то рядом...

Но какая же сутолока началась! Храбрые, но не слишком привычные к дисциплине повстанцы (а к чему им быть привычными? люди гражданские, что взять... в их отряде и бывших полицейских по пальцам можно пересчитать, а остальные и оружие до войны в руках не держали) столпились вокруг поляны, едва ли не у края потока лигм. Привлечённые шумом, сначала встревоженные (едва ли не все они были недавно уверены, что нарастающий шум – от движения приближающихся карателей), а теперь явно удивлённые, они смотрели широко открытыми глазами на лигм, перешёптываясь, а некоторые – так и показывая пальцами.

Всё больше повстанцев подходило ближе к поляне, а навстречу им, подальше от всех этих подземных странностей, двигался поток беженцев. В конце концов, в лагере началась паника и неразбериха.

«Всё, пора это прекращать!» решил Нурис.

И крикнул:

– Жители, граждане Нейри! Я обращаюсь к гражданским!

Шум стал стихать, стихли разговоры и крики. Кажется, умолк даже шёпот (хотя этого наверняка и не скажешь – лигмы растущим гулом глушили тихие звуки).

– Граждане Нейри! – повторил, повысив голос, Нурис. – Говорит командир отряда. Отряда, который вас защищает. Не надо шуметь и волноваться! Здесь нет никакой опасности. Существа, населявшие шахту, уходят, покидают её. Они не представляют для нас никакой опасности. Это всего лишь слизни, подземные слизни. Они уходят прочь. Их уход нам на руку, они освобождают проход для нас. У нас есть путь к спасению. Граждане Нейри, прошу вас успокоиться и собраться в центре лагеря, у штабной палатки. Это палатка с синим флажком на флагштоке! Просту спокойно собраться там. Я объясню вам, как именно спасёмся от «серых» и выберемся в безопасное место.

Беженцы, постепенно, медленно, но всё же стали расходиться.

Нурис ещё раз оглядел оставшихся и только теперь заметил стоявшего среди бойцов Касси.

– Касси! – перейдя на жёсткий тон, скомандовал Нурис. – Собери командиров групп и нескольких бойцов, кто поопытней, у меня в палатке. Мне вам кое-что рассказать надо будет...

«Решились?» самым тихим шёпотом спросил его Креди.

И заговорщицки подмигнул.

Нурис его услышал. И вопрос проводника показался ему странным, неуместным и даже...

«К чему это он?» подумал Нурис. «Вроде, и так решили всё».

На сердце у него было беспокойно. План, ещё недавно казавшийся ему вполне продуманным, дерзким, но вполне осуществимым, и даже по-своему остроумным, выглядел теперь самонадеянным, нелепым, едва ли не безумным.

«Авантюра...»

Возможно, это вид беженцев, растерянных и беспомощных, породил в душе его эту внезапно пришедшую неуверенность.

Но тут же другая мысль, особенно привлекательная своей простотой и доходчивостью, пришла на помощь:

«А что остаётся?»

И в самом деле, каратели сжимают кольцо. Разведчики докладывают о появившихся над разгромленными городами гравилётах. Один удар такой штуки... Никто не спасётся, никто!

Значит, пора. Другого решения нет.

Вот только, тот ли путь выбран?

«И чего он мне подмигивает?» с неожиданным раздражением подумал Нурис. «Прямо заговорщик какой-то!»

Он и сам не мог понять, отчего его стал раздражать спасающих их проводник.

Разве только тем, что предложил план, до которого Нурис едва ли мог сам додуматься, но осуществить который и понести за это всю ответственность мог только он, командир отряда повстанцев, с толпой беженцев за спиной.

«Пора!»

Десантник снял с плеча автомат, передёрнул затвор. В глубине брошенного дома явно было какое-то движение.

Тень мелькнула в глубине комнаты.

Длинная очередь веером ушла в темноту, пули прошили стену. Отлетели куски штукатурки и белая пыль, смешанная с синеватой пороховой дымкой, повисла в воздухе.

Десантник осветил фонариком, медленно проводя лучом по полу и стенам.

Пусто. Только посередине комнаты, подрагивая коченеющими лапами, лежала сражённая очередь большая лиловая ящерица.

«Вот зараза!» мысленно выругался десантник. «Ещё патроны на тебя тратить...»

Он щёлкнул закреплённым на груди переключателем портативной рации, и доложил:

– Говорит Канхубер! Господин лейтенант, здесь чисто.

Рация что-то невнятно прошипела в ответ.

Канхубер ещё раз выругался, на этот раз вспомнив и о демонах.

Где-то рядом работали гравилёты, уничтожая крупную базу повстанцев в укреплённом горном районе.

Их плазменные установки били непрерывно, выжигая горный массив, и помехи от этих ударов выводили из строя всю электронику, в лучшем случае – напрочь перекрывали шумом и треском все каналы связи.

«Демоны эти рации придумали!» с раздражением подумал Канхубер. «То в бою из строя выйдут, то теперь...»

– Господин лейтенант, группа возвращается, – доложил Канхубер в надежде, что хоть односторонняя связь, пусть и с помехами, но сохранилась.

«Впрочем, ничего другого нам и не остаётся».

Канхубер вышел на середину улицы. Ждавшие его появление трое огнемётчиков приблизились к командиру. Один из них, крепыш Хейцер, глянул вопросительно на сержанта.

– Никого, – отрезал Канхубер. – Не изводите заряды на эти развалины, ребята.

– Так-таки и никого? – недоверчиво переспросил Хейцер.

Стоявший рядом ним капрал Огген хлопнул Хейцера по плечу.

– Невоспитанный ты человек, Хейци. И с дисциплиной не знаком. Сказал сержант: «никого»...

Этот остряк Огген мастерски научился передразнивать сержанта, имитируя резкие интонации его голоса! Канхубер давно уже мечтал как-нибудь наказать его за излишнее остроумие, да всё как-то повода не находилось.

– ...значит, никого. А по кому стреляли, сержант? Жёлтая змея?

– Ящерица! – выкрикнул Канхубер. – Капрал, ты у меня когда-нибудь дошутишься! Клянись!

Хейцер сплюнул в пыль и тронул сержанта за локоть.

– Не заводись, командир. Огген пари выиграл, вот от радости с утра всех передразнивает.

Огген нежно прижал к груди тускло блеснувшую на закатном солнце стальную трубу огнемёта и самодовольно улыбнулся. И прикоснулся перчаткой к жёлтым капральским нашивками на рукаве.

– Я полоску такого вот жёлтого металла Хейци обещал отдать.

– Если? – хмуро спросил Канхубер.

Ему уже порядком поднадоели эти постоянные пари и ставки подчинённых. Но поделаться с этим сержант ничего не мог: ребята уже которую неделю не выходили из боёв с повстанцами, а в промежутках между боями их постоянно бросали то на проверки таких вот развалин, то на патрулирование, то на преследование мелких разрозненных групп повстанцев.

Нервы у всех от такой беспокойной и неустроенной жизни были до предела расшатаны, а эти постоянно заключаемые между десантниками пари, нечто вроде игры, хоть как-то снимали напряжение.

Хотя иногда заканчивалось всё это...

«Чуть на mine однажды не подорвались» вспомнил один особенно нелепый случай Канхубер.

И нахмурился.

«Ночью на спор бегали... Вокруг озера. И напрямик на минное поле забежали. Нет, иногда они как дети малые! Право слово...»

– Если стрелять сегодня ни в кого не придётся, – пояснил Огген. – И задницы кому-нибудь подпаливать...

– Я, приняться, думал, что здесь кто-то остался, – добавил Хейцер.

И показал рукой на пустые дома с чёрными, слепыми провалами окон.

Дома стояли рядами вдоль улицы: молчащие, притихшие, немые, будто смертники, выстроившиеся перед расстрелом и стремящиеся хотя бы покорным своим молчанием хоть немного продлить свою обречённую жизнь.

Казалось, они даже сжались от страха и краски их фасадов, ещё недавно яркие, многоцветные – стремительно блекли, будто в предсмертной бледности.

«Да нет, чепуха!» Хейцер помотал головой, словно отгоняя морок. «Это просто закат, темнеет...»

– А что, надоело стрелять? – спросил Канхубер.

– Без толку, – пояснил Хейци. – Время теряем... Мне вон моя дура написала, что ей на курсы надо идти. Дизайнер, она видите, художник в душе. Кресла свои проектирует с системой левитации, а дома сесть не на что. Я ей в прошлом сезоне перевод посылал на кресла и ванну с массажем. Ничего не купила! Куда деньги подевались – до сих пор не знаю. Тоже мне, хозяйка... Теперь, видите ли, учиться ей захотелось! А ребёнок с кем останется? Мою мамашу разве уговоришь с пацаном посидеть?

– Он у тебя ходить начал? – Канхубер двумя пальцами изобразил неровную походку малыша.

– Бегает уже, – ответил Хейцер. – В отпуск пора, сержант. Совсем одичаем тут.

– И к местным бабам подходить нельзя, – вставил Огген.

Третий огнемётчик, Грейзе, горестным кивком головы подтвердил правду этих слов.

– Это всё жандармерия, – добавил Огген. – Сами импотенты паршивые, так и всем остальным кое-что подрезать норовят. Я давно заметил: как среди аборигенов какая баба покрасивей найдётся, так жандармы ей первой верёвку норовят на шею набросить. Точно говорю! Я всё потому...

– Хватит! – оборвал его Канхубер. – Вы сейчас не до отпуска, а до каторги доболтаетесь!

Огген замолк и с подчёрнутым старанием стал отряхивать пыль с серо-зелёного камуфляжа.

– Свободу не цените! – начал было сержант.

Но неожиданно замолк и выразительно постучал кулаком по каске.

«Болтуны!»

– Ладно, – подвёл итог Канхубер. – Почесали языками – и ладно. Сейчас проходим по улице. Хейцер – по левому ряду, Огген – по правому. Грейзе замыкает. Я – впереди, на удалении в пять шагов. И смотрите, засранцы, в спину мне не шарахните! Каждый работает по своей стороне, Грейзе – только направление назад.

– Не в первый раз, командир, – успокоил его Грейзе.

– У нас на всё и про всё – пол-хорра, – определил Канхубер. – Палите всё к демонам, ребята! Как приказано!

– Само собой, – вздохнул Огген. – Вовремя местные отсюда убрались...

– Всё, идём! – прервал его сержант. – К началу улицы, выстраиваемся – и вперёд!

Они прошли назад шагов на сорок, развернулись – и медленно двинулись вдоль домов, в сторону центральной площади.

– Огонь! – скомандовал Канхубер.

Огнемёты с хищным, драконьим свистом выбросили длинные красно-оранжевые огненные струи, и первые здания вспыхнули, охваченные прыгающим, голодным, быстрым, взлетающим к самому небу огнём.

В нарастающем свете вечернего пожара тени запрыгали по серой земле, подхваченные ветром искры полетели в тень подступающих сумерек.

Пожар огненными волнами расходился по городу.

Выбросив бело-синие снопы пламени, включились маневровые двигатели.

Космолёт, разворачиваясь, стал полукругом заходить на посадочный курс.

Впереди, ослепительно-белой громадой контрастно выделяясь на космическом бархатно-чёрном фоне, занимая едва ли не три четверти широкого панорамного иллюминатора, висел, покачиваясь, словно древний фрегат на набегающей океанской волне, базовый звездолёт, частица далёкого, и особенно дорого теперь Каэ Зелёного Мира.

Каэ знал, что покачивание звездолёта – иллюзия. Раскачивается с борта на борт, меняя курс, его космолёт – крохотная лодчонка у борта огромного судна.

Каэ провёл ладонью над считывающим экраном, мысленно передавая команду двигателям на торможение.

Космолёт, плавно замедляя ход, выравнивая движение с ходом базового корабля, подошёл к посадочному модулю.

Каэ глянул мельком на пульт управления: по контрольным экранам пробежали жёлтые полоски сигналов. Бортовой компьютер космолёта обменялся сообщениями с компьютером базы.

Телескопические фермы-манипуляторы посадочного модуля выдвинулись вперёд, выпустив гибкие механические пальцы захватов.

Захваты вошли в раскрывшиеся пазы на бортах космолёта.

Каэ ощутил лёгкое подрагивание: базовый корабль аккуратно притягивал его космолёт, прижимая стыковочным узлом к переходному шлюзу.

– Есть захват, есть стыковка! – доложил Каэ. – Готов к переходу.

– С прибытием, Каэ, – отозвался модуль связи голосом Эвии.

Вот это для Каэ было удивительно! Он и не ожидал, что его будет встречать сама Эвия Лои, руководитель экспедиционных партий в планетарных системах созвездия Спрута Тоэс, командир базового звездолёта.

– Рад тебя слышать, Эвия! – бодро отозвался пришедший в себя от удивления Каэ.

– И мы рады, странник, – отозвалась древним приветствием Эвия. – Когда пройдёшь шлюз и избавишься от скафандра, поднимись, пожалуйста, на верхнюю палубу. Лифт на площадке

перед шлюзом будет тебя ждать. Я буду ждать тебя в центре управления. Сожалею, странник Каэ, но времени на отдых у тебя не будет.

«Что-то серьёзное» подумал Каэ, возвращаясь к прежним мыслям.

Старт с базы, полёт на космолёте, выход из атмосферы планеты, приближение к кораблю – его работа, привычная, но в тоже время каждый раз, каждый полёт заново переживаемая как приключение, отвлекла его на время от тревожных дум, развеяла было то неприятное, гнетущее настроение, охватившее его после разговора с Элметом.

Но теперь, после такого приёма и подчёркнутой спешки...

«Не только серьёзно, но и плохо» решил Каэ. «По настоящему плохо».

– Мразь! – выкрикнул Курци и наотмашь ударил арестанта.

Голова избиваемого резко качнулась назад, брызги крови разлетелись в стороны.

Курци поднёс к глазам кулак, плотно обтянутый чёрной перчаткой, посмотрел брезгливо на стекавшие по шероховатой перчаточной коже тёмные капли, и вытер о заляпанную бурыми пятнами рубаху арестованного.

– Имя! – снова зорал Курци.

– Я... уже... отвечал, – распухшими губами по слогам произнёс арестант. – А-д-е-н.

Курци шлёпнул ладонью по щеке арестанта.

– Что?! Повтори!

– Повторяю, – с механической (но отчасти как будто и ироничной) интонацией повторил арестант. – Меня... зовут Аден.

– Род занятий! – снова взорвался криком Курци.

Арестант тяжело вздохнул и попытался выпрямить заломленные за спину и плотно стянутые наручниками руки. И тут же застонал от боли.

– Да что ж вы так кричите? – слегка отойдя от боли, заметил Аден. – Мы тут одни, в подземелье вашем...

– Бункере! – продолжал бушевать Курци. – Интеллигент бестолковый! Сколько раз тебе объяснять? В бункере для допросов! Ты арестован по предписанию полевого суда Республики и находишься в руках жандармерии! И до окончания следствия я не позволю паршивому!..

– Ну, хорошо, – согласился Аден. – В бункере, по постановлению... Но мы же тут одни, да и сижу я рядом с вами. Вы даже не стоите, а нависаете надо мной, да ещё и очень больно бьёте. А орёте так, как будто во время грозы допрашиваете целую толпу злоумышленников. Ваш крик сбивает меня. Вы постоянно грубите мне, оскорбляете. Неужели вы думаете, что примитивное хамство добавляет вам административного величия? И вообще... Мне трудно сосредоточиться...

Губы у Курци задрожали. Он отошёл на полшага от стула, на котором сидел закованный в наручники арестант – и резко пнул Адена в живот. Тяжёлым, с полосками металла и шипами на подошве, всепробивающим жандармским ботинком.

Если бы арестант сидел на обычном стуле, то от такого мощного удара он непременно отлетел бы назад и рухнул на пол. Но стул был жандармский, стальные сварные ножки его были прочно привинчены к полу.

Потому арестант лишь ударился спиной о решётчатую спинку стула.

Аден вскрикнул, захрипел – и тонкая струйка крови потекла с подбородка на грудь.

Голова Адена поникла. Арестант потерял сознание от боли.

– Слабак, – припечатал допрашиваемого Курци. – Думаешь, раз тебя в институтах твоих болтать научили, так ты мне голову заморочишь? Да я профессорам яйца на допросах выкручивал! Генералов на дыбе подвешивал! Чтоб ты знал...

Потом подумал и добавил:

– Дерьмо! Тупая скотина!

Курци особенно гордился тем, что ему с неизменным успехом удавалось превращать бывших чистюль и рафинированных умниц в «дерьмо» и «тупых скотов». И никто из встретившихся с Курци в комнате для допросов не избежал этого превращения.

– Ты у меня ещё обгадишься, – пообещал арестанту Курци.

Но произнёс это уже спокойно, без крика.

Курци опустил закатанные рукава кителя. Довольно насвистывая, подошёл к столу и грузно опустился в кресло.

Вот теперь он был доволен собой. Разогретая допросом кровь весело бежала по венам, мышцы (одеревеневшие было от ежеутреннего переписывания бумаг) налились приятным жаром. Щёки, пухлые и обычно бледные от постоянного сидения в полутёмных казематах бункера, слегка порозовели.

Курци даже потрогал их ладонью, чтобы лишний раз ощутить подступающий к коже жар.

– Вот это работа! – воскликнул Курци.

И достал из ящика стола папку с делами арестованных за последние три дня.

– Я вас всех сегодня пропущу через давилку, – пообещал арестантам Курци и, щёлкнув кодовым замком, раскрыл папку.

Да, теперь он был доволен собой! Он поймал настроение, поймал кураж. Вместо изрядно поднадоевшей бумажной работы, заполнения формуляров, бланков допросов и представлений на новые аресты, он дорвался-таки до живого, настоящего, действительно важного для Республики дела.

– Я знаю, кто ты, – заявил Курци, обращаясь к арестанту.

Тот лишь промычал в ответ, не поднимая головы. Похоже было, удар ботинка надолго лишил его сознания.

«Ничего» успокоил себя слегка заволновавшийся было Курци. «Очнётся, никуда не денется. Эти умники живучие, хоть и дохлые на вид. Жизнь любят, за жизнь цепляются... Если и дальше будет мычать и страдальца из себя корчить – водичкой окатим. Холодной, из шланга. Абориген проклятый! Надо же, даже на такой дикой, затерянной в космосе планете – и то, понимаете ли, шпана образованная попадаетеся! Вот ведь подлость-то какая!..»

Курци вырос в самом нищем квартале Готтарда, в котором была всего одна начальная муниципальная школа. Впрочем, по бедности и обычному в их районе шалопайству Курци и её не закончил. Так что если бы не курсы полиции Готтарда и не восемь долгих лет службы в службе охраны на далёкой фактории – не видеть бы Курци серебрянных плетёных шнуров, нашивок и жандармских погон.

Гнил бы он сейчас в исправительном доме в одной камере с друзьями-уголовниками, коих так много вышло в криминальный свет из их весёлого квартала.

Вышло, да быстро ушло...

Или бы работал на погрузчике в космопорте, как безвременно сгинувший от алкоголизма папаша.

«А я вот человеком стал» подумал Курци и погладил себя по редющим волосам. «Офицерики, чистоплюи, брезгливо смотрят. Даже в офицерском клубе нас, жандармов, сторонятся. За один стол не садятся, гады! Брезгают! А кто, позвольте, спросить, ваше дерьмо разгребает, аристократы вы проклятые? Кто подчищает за вами? Кто ваши тылы прикрывает, спины ваши? Кто самую грязную работу берёт на себя? Кто ваши ручки оставляет чистыми? Кто, в конце концов, позволяет вам быть благородными?»

Аден застонал и попытался поднять голову. Но уронил бессильно и снова потерял сознание.

Стон арестанта отвлек Курци от возвышенных и одновременно отчасти горестных мыслей.

Самодовольство, смешанное с обидой, вдруг неожиданно сменилось брезгливой жалостью к арестанту.

– Дурак ты дурак, – сказа ему Курци и вынул первый листок из папки. – Давно бы во всём сознался, рассказал бы, что знаешь о дружках своих, бандитах, да спокойненько – в блок «А». Там тебя приняли бы как положено, проволоку на шею, ноги на табурет – и вперёд! Сегодня бы к вечеру был в раю... или что там у вас, дикарей, вместо него? В общем, успокоился бы. И мне хорошо – дело закрыто. И тебе хорошо – меньше мучений. Конец всё равно будет, но конец – он разный бывает. Кроме блока «А», для хороших людей, есть ведь и другие блоки, для плохих и упрямых...

И Курци невольно вздрогнул, вспомнив те самые, другие блоки. Честно говоря, он не одобрял все эти нестандартные экзекуции, но...

«Это тоже часть работы» утешил себя Курци.

Курци собрался было рассказать поподробней арестанту об этих... ну, в общем, нехороших, конечно, прямо скажем – страшных вещах... или, точнее... Но в этот самый момент раздался предупреждающий звон зуммера, дверь в комнату открылась и вошёл...

– Господин капитан! – Курци вскочил и вытянул руки по швам.

...Нейбер, господин Нейбер, шеф особой группы полевой жандармерии, начальник, чьё имя в его отсутствие жандармы произносили лишь шёпотом, образцовый служака Нейбер, идеальный Нейбер в отутюженном, подогнанном и подшитом точно по фигуре сером жандармском мундире, Нейбер в начищенных до блеска (и блестящих даже при тусклом свете бункерной лампы) ботинках с чёрной шнуровкой.

Нейбер вошёл в комнату. Стоял некоторое время у стула, рассматривая арестанта (даже пару раз наклонился, чтобы рассмотреть поближе... и что тут, скажите, интересного?). Потом подошёл к раковине. Закрутил кран, из которого постоянно тонкой струйкой текла вода (Курци привык к этому тихому журчанию и давно уже не обращал на него внимания, тем более, что крики арестантов заглушали любой шум... а в промежутке между допросами и такой шум хоть немного, но успокаивает... будто у ручейка лесного сидишь... хотя, понятно, непорядок это, да и ржавчина потом в раковине).

Курци всё это время стоял абсолютно неподвижно, даже дышать старался, не смотря на насморк и заложенный нос, как можно тише.

Нейбер остановился в задумчивости, потом решительно махнул рукой и подошёл напрямиком к столу.

«Дела проверять будет?» с внутренним трепетом подумал Курци.

Проверки дел он не любил: делопроизводство до конца он так и не освоил, писал с таким количеством ошибок, что компьютер секретариата регулярно возвращал ему отчёты, поскольку ни одна канцелярская программа не могла их привести в более-менее приличный или хотя бы читабельный вид.

Следствие вести он любил, да и часто получалоь у него это... Накопать что-нибудь, ниточку найти. А вот написать об этом красиво... Нет, это не получалось!

«Мне бы в приличной семье родится» подумал Курци, с нарастающим беспокойством следя за действиями начальника.

Тот потянулся к папке и, кажется, вознамерился полистать её.

«Не из грязи лезть, не пьяные крики папаши по ночам слушать... Я бы вам, конечно, и не такое писал! Да и званием бы повыше поднялся, это как пить дать!»

Нейбер действительно перелистнул пару страниц, но видно было, что делает он это механически, равнодушно и без всякого внимания. Возможно, он просто следовал жандармскому ритуалу (начальник непременно что-то должен проверять!) или просто хотел добавить напряжения и окончательно подавить Курци административным авторитетом.

И точно: папка неожиданно полетела на стол и Нейбер закрычал:

– Мы для кого сигнализацию сделали, Курци?

Тот покачнулся, даже сделал испуганное и жалостное лицо. Но в глубине души расслабился – пронесло!

«Разнос» решил Курци. «Просто разнос решил устроить. Никакой проверки не будет».

– Для кого звонок, Курци?! – и Нейбер ударил кулаком по столу. – Вы забыли правила? Вам наплевать на них? Как жить Республике, если даже жандармы, лучшие люди свободного мира, и то не соблюдают правила безопасности! Вы должны быть примером, а вместо этого...

Нейбер открыл ящик стола и бросил туда папку.

– Что я сделал, Курци? – отчего-то шёпотом спросил Нейбер.

– Выполнили пункт два-точка-один основных правил работы с секретными документами, – чётко отрапортовал Курци. – При включении зуммера и появлении в комнате...

– До появления, – поправил Нейбер. – До появления, Курци! До появления кого-либо в комнате все документы должны быть убраны в стол, а ящики стола закрыты. Почему нарушаем, Курци?

– Но вы же не посторонний, господин капитан, – попытался оправдаться Курци. – И мы в бункере...

– Бред! – прервал его Нейбер.

И подошёл к арестанту.

– Вы что, видели, кто именно в комнату входит? А если это его сообщники?

– Виноват, – нашёл, наконец, нужное слово Курци. – Недосмотрел, расслабился...

Нейбер неожиданно улыбнулся и похлопал продолжавшего тихо стонать арестанта по спине.

– Вот именно, Курци, – сказал тихо и спокойно Нейбер. – Расслабились. Мы все расслабились! А они...

И он показал пальцем на Адена.

– ...они этим пользуются. Они-то как раз не расслабились, эти бандиты, дикари, людоеды, грязные аборигены! Эти проклятые повстанцы, мятежники! Они защищают своё право на дикость, первобытную анархию, вольность дикарских нравов. Им неведомы законы подлинно свободного и цивилизованного мира. Эти жители планет Тёмного пояса – угроза нам, нашей цивилизации, нашему образу жизни. Мы, просвещённые люди...

Курци глубоко вздохнул от нахлынувших чувств. В кои-то веки его причислили к цивилизованным и просвещённым людям!

«Вот ведь» подумал Курци «порядочный человек, хороший человек – он и слова находит хорошие. И слушать его приятно. Не то, что прочие... с золотыми-то нашивками, офицерики эти. Их послушаешь – и жить не хочется».

– ...Тяжёлой, быть может, грязной, но такой нужной работы, – продолжал Нейбер. – Вот поэтому наши усилия по наведению порядка не приносят тех результатов, на которые мы рассчитывали!

Нейбер неожиданно прервался, с подозрением глянул на Адена и спросил:

– Курци, он вообще жив? Арестант этот?

– Жив, – уверенно ответил Курци. – Стонет, господин капитан, иногда и сказать что-то пытается. Ничего, скоро придёт в себя. Я, с вашего позволения, с ним продолжу. К вечеру непременно расколется...

Нейбер надел перчатку и, схватив арестанта за подбородок, приподнял голову. Некоторое время рассматривал лицо. При этом Нейбер хмурил лоб и шевелил губами, будто что-то вспоминая.

Потом отпустил подбородок и снял перчатку.

– Курци, – спросил Нейбер, – кто это? Что-то лицо мне его знакомо... Где-то, в каком-то деле я его фотографию видел...

– Это доктор, – пояснил Курци. – Из аборигенов. Имя – Аден. Захвачен при ликвидации поселения...

– Точно! – воскликнул Нейбер. – Доктор! Да, теперь вспомнил. Я же проверял дела всех врачей, арестованных полевыми группами и отрядами десанта. Его даже сфотографировать успели. Курци, а вы знаете последний приказ?

– Какой, господин капитан? – с удивлением спросил Курци.

– Всех захваченный врачей следует перевозить на главную базу, в основной лагерь для военнопленных, – пояснил Нейбер. – Кто-то из нашего руководства решил, что местные врачи – самые информированные люди среди повстанцев. Так что готовьте его к отправке. Погрузим на вертолёт. Десантники согласились взять партию арестованных...

«Слава вам, боги!» мысленно возрадовался Курци. «Не придётся отчёт писать!»

– Кстати, зачем я, собственно, сюда зашёл, – в некоторой задумчивости произнёс Нейбер. – Я ведь был с докладом, там...

И нейбер показал пальцем на низкий, светло-зелёной краской выкрашенный потолок бункера.

– ...Моё предложение о создании особых полевых групп жандармерии принято. И мне предложили возглавить одну из таких групп. Так что у меня к вам предложение: войти в мою группу. Как смотрите, Курци? Замечу, что мне нужны добровольцы. Дело очень ответственное, сами понимаете.

«Вот оно!» подумал Курци и радостно засопел.

Настоящая работа: без бумаг, без постоянных проверок и разносов, без бесчисленной оравы окопавшихся в бункере начальников...

«На свежем воздухе, раздолье-то какое! И главное... Нейбер хитрый! Себе карьеру делает, это точно. Надо, надо ему за хвост цепляться, пока он слишком высоко не улетел».

И Курци чётко и резко кивнул, щёлкнув каблуками.

– Сочту за честь служить под вашим командованием, господин...

– Майор, – поправил его Нейбер, нараспев, по слогам произнеся это волшебное слово.

И глянул на Курци, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Как? – удивился Курци. – Боги, какое счастье! Поздравляю, поздравляю, господин майор! Я знал, я верил, господин майор, что командование оценит ваш ум, вашу работоспособность, вашу, наконец, инициативность!

– Оставьте, Курци, – Нейбер улыбнулся и показал пальцем на нашивки. – Приказ придёт дня через два. Так что, похоже, что эти нашивки вы видите в последний раз. Рад, что вы приняли такое решение, Курци. Старайтесь, друг мой, и я вас не забуду.

Курци снова щёлкнул каблуками.

– Слушаюсь, господин майор!

Нейбер снова надел перчатку и схватил Адена за волосы.

– Жив, ящерица болотная, – прошептал Нейбер, с явным удовлетворением разглядывая лицо доктора. – Работать вы умеете, Курци... Что есть, то есть...

И Нейбер, подняв глаза к потолку, произнёс, отчеканивая слова:

– Вызовите дежурного офицера. Пусть поможет вам привести в чувство эту падаль. Вколите докторишке пару кубиков освежающего – и в путь! Пусть его в порошок сотрут, как можно скорей.

«И то верно» мысленно согласился Курци.

Нурис зажёл старый керосиновый фонарь и подкрутил колёсико, поднимая выше полосу фитиля. Язычок пламени из сине-красного стал оранжевым. В палатке стало светлей.

– Вот так...

Нурис развернул на столе карту, сплошь исчерченную карандашными линиями планируемых маршрутов.

– В общем, посоветались мы тут... Я и проводник... И пришёл я к такому решению...

Нурис краем линейки провёл по карте.

– Прорываться через шахту. Вот эту!

И он повернул карту, переместив участок со схемой шахты ближе к лампе.

– Вот это. Маршрут обозначен красной пунктирной линией.

Командиры групп (всего-то четверо, не считая заместителя Касси... да и от групп после боёв и прорывов мало что осталось, но звания оставались, более по привычке... кроме того, Нурис до последнего не хотел укрупнять и объединять потрёпанные группы, считая, что командиры сами со временем наберут из добровольцев новых бойцов) склонились над картой.

– Изучите маршрут, рассмотрите повнимательней, – посоветовал Нурис. – А ещё лучше – перерисуйте для себя, обязательно пометьте галереи и выходы. Дорога будет трудной, связь между группами может быть потеряна. Сами знаете, друзья-командиры, станций связи в отряде всего две...

– Радистов – трое, – напомнил Касси.

– Да что толку от третьего, если техники для него нет? – отмахнулся Нурис.

– Подстрахует, – пояснил Касси. – Как выходить будем?

Нурис открыл было рот для ответа, но замешкался, глянув на командиров. Они, рассмотрев повнимательней схему, явно забеспокоились, стали переговариваться всё более тревожным шёпотом.

– Так, – отреагировал Нурис.

Стоящий рядом с ним проводник (до времени он с откровенно безучастным видом разглядывал нехитрое убранство командирской палатки или старательно поправлял брезентовый полог над входом) придвинулся ближе к столу, почувствовав, что сейчас, пожалуй, потребуется его помощь.

– Командир, – глухим и низким голосом, едва разборчиво произнося фразы, спросил один из командиров, бывший заправщик давно уже разрушенного терминала в тропическом поясе Стенны, отчаянный парень Боггер (он и до сих пор, гордясь прежним своим ремеслом, ходил в чёрной, донельзя уже измусоленной и протёртой едва не до дыр, куртке заправщика, не желая менять её на более привычный поставщикам лесной камуфляж).

Боггер ткнул тёмным от сажи пальцем в карту, черкнув по бумаге обгрызённым ногтем.

– Эта же вот эта шахта!

– Точно, – подтвердил другой командир, Нейрет.

– Эта, – подтвердил Нурис. – Та самая.

Касси, что до времени не слишком внимательно вглядывался в карту, поскольку полагал, что всё равно пойдёт рядом с командиром отряда и основной группой, потому нет смысла всё наизусть запоминать, услышав эти слова, заметно забеспокоился.

«Что значит – та? Чего это они?»

– Вот здесь склон, – продолжал Боггер. – Вот здесь вход в шахту. Так?

– Так, – согласился Нурис.

– Так это и есть та шахта, из которой эти твари, слизняки лезли! – воскликнул Боггер, поражённый всё более подтверждающейся догадкой. – Командир, ты чего?

– Так, спокойно! – возвысил голос Нурис. – Осторожней мне тут в выражениях, Боггер. У нас отряд всё-таки, боевая единица, а не сборище...

– Да нет, серьёзно, – продолжал ничуть не смутившийся Боггер. – Извини, конечно, командир. Ты главный, и слово твоё, конечно, закон. И ответственный за отряд ты, и всё такое... Но я одного не пойму. Я в подземных делах ничего не смыслю, в шатах сроду не был, но понять могу одно: если эти твари шахту покинули, да ещё так быстро, значит, даже их мизерных моз-

гов, или чем там они думают, но хватает, чтобы улизнуть. Значит, шахта эта гиблая, там что-то не так. Во время пожара и ящерицы из домов сбегают, но кто же сам, по доброй воле полезет в горящий дом?

Боггер замолчал и глянул вопросительно на остальных командиров, словно призывая их поддержать его. Командиры молчали, но чувствовалось, что они, включая и Касси, в глубине души согласны с Боггером и идея прорыва из окружения через шахту, которую даже лигмы покинули, им явно не по душе.

– Все так думают? – спросил Нурис, пристально вглядываясь в лица командиров.

Они отводили глаза. Все, даже бесконечно доверявший ему Касси. Видно было, что так думают все.

– Ладно, – сказал Нурис. – Тогда кое-что поясню. И Креди мне поможет, если я в каких деталях ошибусь. Да, в шахте кое-что не так. А именно – прорыв подземных вод. Вот на этом участке...

Нурис, вынув из кармана карандаш, прочертил на карте волнистую линию.

– ...Водоносный слой. Тут рядом подземная река, выходит из пещер Лотреи. Знаете, что это за пещеры?

Командиры смущённо промолчали в ответ.

– Они и видно, что не знаете, – поучительным тоном сказал Нурис. – Очень сложная система пещер, совершенно не изученная «серыми». Они ни при каких обстоятельствах туда не сунутся. И недаром рядом с шахтой проходит река. Это единственная из шахт, которая связана с пещерами Лотреи.

– Пещеры – это хорошо, – прервал его Боггер. – Ты лучше по самой шахте расскажи. Она, получается, затоплена?

– Затоплена, – согласился Нурис.

И тут же, заглушая поднимающийся ропот, добавил:

– Но не до конца! В этом-то наше спасение.

– То есть?! – удивлённо воскликнул Нейрет. – Это как это?

– А так, – продолжил Нурис. – У нас над головой, прямо над этим районом, висят разведывательные спутники «серых». Каратели видят каждый наш шаг, отслеживают каждое наше движение. Даже в лесу, даже ночью – по нашим перемещениям, по тепловому излучению, по электромагнитным волнам и ещё неизвестно как, но они нас видят! Они думают, что мы никуда от них не денемся, не скроемся, не спрячемся. Не спрячемся даже под землю! Их боевые роботы и группы спецназа достанут нас и в шахте, если мы попытаемся в ней просто отсидеться. В крайнем случае, они зальют шахту напалмом, заполнят кислотным туманом или ядовитыми газами. Или просто обрушат своды шахты направленными взрывами. В общем, найдут способ нас угробить.

Нурис прервался ненадолго, переводя дыхание, и облилиз пересохшие от волнения губы.

Только сейчас, в продолжении короткой своей речи, он до конца осознал, какую же прочную петлю сплели для них каратели. И как тяжело будет вырваться из этой петли.

– Они думают, что мы обречены! – с внезапно нахлынувшим ожесточением выкрикнул Нурис. – А мы уйдём! И именно здесь!

– Есть незатопленный проход? – догадался Боггер.

– В точку! – подтвердил Нурис. – Спутники «серых» наверняка засекли выход из шахты лигм. «Серые» не хуже нас понимают, что шахта затоплена. Стало быть, выхода из неё нет. На склоне холма – два входа в эту шахту. Один основной. И ещё один – из боковой галереи. Как только мы спустимся в шахту, «серые» подтянутся в этот район, перекроют оба входа. Возможно, пустят в шахту роботов-разведчиков. Но сами не полезут...

– Почему? – влез с вопросом неутомимый Боггер.

– Потому, – ответил Нурис, – что шахт затоплена. Стало быть, возможны обрушения, обвалы породы... Всё, что угодно. Не захотят они рисковать, я уверен. Они перекроют входы и будут нас выкуривать. Возможно, подорвут заряды у входа или ещё что-нибудь придумают. Наша задача: не задерживаясь в шахте, пройти вот этой галереей...

Нурис нарисовал стрелку на карте.

– ...и примерно через двести шагов – проход. Креди...

Нурис кивнул на проводника.

– ...Сам когда-то работал на этой шахте. Здесь добывали руду и по железной дороге вывозили к пристани. Но наземная река отсюда далеко, а подземная рядом. Поэтому когда-то, очень давно, планировали проложить подземную дорогу напрямик из этой шахты в пещеры Лотреи, построить подземный причал и по реке везти руду напрямик к озеру у Южного космопорта. С дорогой что-то не заладилось, но небольшой проход из боковой галереи в пещеры проббили. Креди передал мне схему пещер.

Нурис наклонился, вынул на мгновение из вещмешка и показал собравшимся рулон туго свёрнутой плотной бумаги.

– Вот она, родная.

Потом убрал рулон в мешок, затянув на горловине мешка плетёный шнур.

– Так что пойдём по пещерам. Подальше отсюда, в горные районы. Куда кариатели ещё не добрались. Там есть безопасные места, большие поселения, которые защищены нашими отрядами. Большими, сильными отрядами, не то, что у нас...

Боггер усмехнулся недоверчиво.

– И сколько же идти? – спросил он Нуриса.

– По предварительным подсчётам...

Нурис замолчал, пошевелил губами и выдал:

– Дня два-три.

Боггер присвистнул.

– Весело придумал, командир. Сначала лезть в затопленную шахту, с бабами и детьми. Там и грудные есть, между прочим. Потом в темноте, по пещерам, по какой-то там схеме всем отрядом с кучей беженцев три дня идти в горный район. А если где-нибудь в тупик упруемся? Или и пещеры будут затоплены? Развернёмся – и обратно пойдём? Так ведь не будет уже обратного пути. В ловушке окажемся. В лесу хоть есть шанс мелкими группами...

– Чушь! – взорвался Нурис и с размаху хлопнул ладонью по карте. – Какие мелкие группы? Ты и беженцев на мелкие группы собрался разделить и вместе с ними прорываться? Каждый боец берёт пять женщин и троё детей – и лихо прорывается. Под пулемётами, огне-мётами, под огнём боевых глассеров и гравилётов, напрямик по минам-ловушкам – вперёд! И куда, позвошь спросить? Куда здесь прорываться? Все наши города разрушены и сожжены, электростанции и водозаборы взорваны, колодцы завалены. Два ближайших космопорта захвачены карателями, остальные – уничтожены. Дороги либо заминированы, либо контролируются «серыми». Здесь уже некуда прорываться, и на этой территории не выжить. Это земля смерти, и ты, Боггер, это прекрасно знаешь. Все вы знаете, что никто из оставшихся не выживет. Никто! И что нам остаётся?

Собравшиеся промолчали в ответ.

Только Боггер вздохнул тяжело и поправил висевший на плече автомат.

В этот тяжёлой тишине, в затянувшемся молчании слышно было, как свежающий к ночи ветер треплет провисший складками брезент палатки.

И сквозь порывы ветра – долетающие издалека голоса. Женские, детские... Иногда, редко – глухие мужские.

И, кажется, даже слышно было тихое потрескивание догорающих костров.

Нурис и сам, наверное, рад был бы услышать хоть какое-нибудь дельное предложение, избавившее его от необходимости претворять в жизнь опасный его план.

Но... Что можно было ещё предложить?

И какой ещё путь указать?

Разве только ждать подхода карателей и принять бой.

– Мне самому это не по душе, – подвёл итог Нурис.

Касси в этот момент бросил взгляд на проводника. Не случайно, скорее – как будто случайно и мимолётно. И увидел, что Креди, до того времени стоявший рядом со столом и всем своим видом демонстрировавший готовность прийти Нурису на помощь в его разгорающимся споре, вдруг едва заметно (но отчётливо, очень отчётливо) вздрогнул и немного отодвинулся в сторону.

– Креди, – обратился к нему Касси. – Ты всё время молчишь. Я ведь это как минимум наполовину твоя идея. Развеял бы наши сомнения.

Проводник провёл ладонями по брюкам, будто стирая пот или грязь, затем широким жестом провёл над картой рукой и хриплым голосом произнёс:

– Всё правильно командир сказал. В пещерах источники воды. Там небольшие подземные озёра, ручьи... Всё на схеме есть, да и мне эти пещеры хорошо известны. Так что от жажды не погибнем, так вот... И тяга в пещерах хорошая, в случае чего – костёр можно развести... Идти, конечно, далеко. Зато никто не помешает. Точно говорю. За нами туда не сунутся. А сунутся – заблудятся. Так просто не пройдёшь, это правда... Там проходы такие, ветвится начинается, боковые...

Проводник замолчал, переводя дыхание.

– Сами-то не заблудимся? – с усмешкой спросил его Касси.

– Ну, что пристал? – вступился за проводника Нурис. – Сказано – не заблудимся! Всё, к полуночи выступаем.

– Ночью?! – удивлённо воскликнул Нейрат.

Три остальных командира удивлённо переглянулись.

Видно было, что на такой скорый выход никто из собравшихся (кроме, понятно, Нуриса, проводника и ко всему готового Касси) не рассчитывал.

– Ночью, – подтвердил Нурис. – До утра мы здесь не продержимся. Костры оставьте, палатки тоже. Вещей минимум. Только носимый запас. Но оружие всё взять, до последнего патрона! Касси, обязательно проследи, чтобы топливные брикеты взяли. И питательную смесь, горлопанов этих малолетних кормить...

– Прослежу, – подтвердил Касси.

Нурис резким движением убрал карту со стола, быстро сложил вчетверо и засунул её в планшет.

– Ни одной молитвы не знаю,.. – сокрушённо прошептал кто-то.

Касси тихо тронул Нуриса за локоть.

– На два слова...

Каэ сделал шаг, и серебристое сияние стало ярче.

Он почувствовал, как подошвы отрываются от пола и силовое поле левитатора мягко поднимает его вверх.

Белые стены посадочного модуля поплыли куда-то вниз, и над головой Каэ мягко разошлись створки переходного люка.

Каэ повис в воздухе, покачиваясь на мягких волнах силового поля.

Серебряный кокон вокруг него сгустился и мягкий женский голос произнёс:

– Кто встречает вас?

– Эвия, – ответил Каэ. – Командир экспедиции.

– Система перемещения активирована, – ответил ему голос. – Приятного пути!

Каэ много раз перемещался по казавшимся иногда бесконечными переходам огромных базовых звездолётов с помощью бортовых левитаторов. Но каждый раз стремительный и беззвучный полёт в серебристо-белом сиянии по туннелям кораблей приводил его в восторг.

В короткий миг полёта (а длился всякий раз очень недолго из-за невероятно высокой скорости) восторг, неудержимый, солнечный, почти что детский восторг охватывал его, и тогда казался он сам себе лёгким духом, космическим призраком из древних легенд.

Но не унылым обитателем разрушенных миров, а весёлым крылатым существом из светлого астрала, что легко пронесётся сквозь тёмные бесконечные пространства в мелькании пролетающих звёзд...

Конечно, не звёзд. Это лампы подсветки в туннелях звездолёта. Но если представить себе, что это звёзды, то кажется, что полёт закончится только где-то на самом краю Вселенной, там...

– Перемещение закончено, – всё с теми же, искусственно-мягкими интонациями произнёс голос. – Эвия ждёт вас.

«Ну вот, всегда так» с лёгким сожалением подумал Каэ. «Не успеешь пофантазировать как следует, как уже и путь окончен и сказке конец. Зато быстро, ничего не скажешь!»

Волны стихли, и Каэ тихо опустился вниз.

Серебристый туман растворился в воздухе. Теперь было видно, где именно встречает его Эвия.

Каэ огляделся и едва не присвистнул от удивления. Правда, от свиста всё-таки удержался. Уж слишком это было бы невежливо и нелепо в такой обстановке.

Разве только возглас восторга был бы уместен!

Каэ был опытным пилотом и едва ли не четверть жизни провёл на бортах самых разных кораблей.

Но никогда он ещё не был в Купольном Зале базового звездолёта.

И от открывшейся ему потрясающей картины поначалу у него даже закружилась голова.

Казалось бы, он видел если не всё (Мир, конечно, настолько велик, что видеть все чудеса его невозможно), то очень, очень многое: и тысячи звёзд, плывущих в чёрной воде космоса, и дымные клубы туманностей, и разноцветные шары планет, и пульсирующие огни солнц в самых далёких от Зелёного Мира планетарных системах.

Но такой необыкновенный вид потряс даже его!

Длинную овальную площадку Зала, сложенную из чёрных пористых плит, накрывал огромный, высокий и совершенно прозрачный купол, сделанный из какого-то непонятного, но очень похожего на стекло или на удивительно прозрачный кристалл, материала.

Только едва ли какое-нибудь стекло выдержало бы такие нагрузки, да ряд ли справился бы и природный кристалл.

Золотистые лампы, встроенные в плиты Зала, подсвечивали купол изнутри, но свет их был настолько мягок и так точно распределён, что ни один их блик не отражался на поверхности купола.

Оттого казалось, что космонавты стоят на открытой поверхности звездолёта, один на один с космосом, и бесконечное звёздное пространство окружает их, втягивая, вбирая их души в себя.

И перехватывает дыхание; и кажется, что убийственный вакуум и вечный лёд не имеют более власти над телом. Есть только движение – вверх, к белым огням над головой.

К огням, до которых, казалось, можно и дотронуться, если протянуть руку.

Протянуть руку...

Не выдержав искушения, Каэ вытянул руку вперёд и коснулся поверхности купола.

– Особый материал, Каэ, – услышал он голос Эвии. – Ты хотел почувствовать холод? Или, быть может, первородное тепло Вселенной? Увы, Каэ, но ни то, ни другое – невозможно. По поверхности купола проходит невидимое для глаз силовое поле. Он надёжно изолирован. Вот так, Каэ...

«Да, конечно... Поле... Но как же странно дышать, ощущать воздух – здесь. В этом месте...»

– Я специально пригласила тебя в Купольный Зал, – сказала Эвия.

Только сейчас Каэ огляделся – и увидел её.

Эвия, совсем ещё молодая женщина, стройная и подвижная, в белом свободном платье и с ярко-жёлтым весенним цветком в тёмных ночных волосах, показалась ему немного легкомысленной, почти по-девчоночьи весёлой и даже как будто беззаботной.

Она совсем не похожа была на командира базового звездолёта и начальника одной из самых ответственных экспедиций Зелёного Мира.

Но Каэ знал, что впечатление это обманчиво и «как будто беззаботная» Эвия – на самом деле чем-то до крайности встревожена и расстроена.

Каэ знал, что Эвия – опытный исследователь и умеет скрывать тревогу от товарищей по экспедиции. И умеет сохранять видимую беззаботность и удивительное присутствие духа даже в самых тяжёлых ситуациях.

Знал он так же, что Эвия не любит носить официальную форму и синий с зелёными нарукавными полосками командирский комбинезон держит на замке, в самой дальней ячейке грузового отсека.

Шутник Элмет, зная эту нелюбовь Эвии к форменной одежде, сказал как-то: «Знайте, друзья, что если вы увидели Эвию в униформе, то самое время спасаться, ибо скоро конец света».

Но, коль и сейчас сохраняла она свои прежние привычки, то уж не конец света грозил экспедиции.

– Я понял, – ответил Каэ. – И спешный вызов, и этот Зал.

– Хорошо, – сказала Эвия и жестом позвала его ближе.

Каэ заметил, что в руке у неё – небольшая коробочка овальной формы. Похоже, пульт дистанционного управления навигационным дисплеем.

«Полёт будет долгим» догадался Каэ. «Напрасно Элмет обещал мне путешествие на три дня. И вообще... Любит он болтать и обещать. Хороший парень, но легкомысленный какой-то!»

– Да, Каэ, – подтвердила Эвия. – Ты всё понял, да и Элмет, насколько я знаю, кое-что тебе рассказал. Так что я обойдусь без долгого вступления. Только об одном хочу тебя спросить: как ты себя чувствуешь? Я знаю, пилоты всегда в хорошей форме...

Она улыбнулась.

– ...Ну, по крайней мере, они всегда храбрятся и скрывают свои болезни. Уж такой вы неисправимый народ!

– Замечательно, – ответил Каэ.

Нет, он ничего не скрывал. И в самом деле, тренированное тело с тугими, изрядно накачанными в тренажёрных залах и тренировочных комплексах, мышцами никогда его не подвело. А эти... видения...

Да неужели, в конце концов, они кому-то интересны? Если бы он мом деле сходил с ума, или хотя бы на мгновение утратил контроль над своим сознанием, то анализатор ментальной активности в первом же полёте разоблачил бы его, подняв тревогу и высветив тревожную красную надпись на контрольном экране.

Он в норме. Абсолютно.

– Просто замечательно, – подтвердил Каэ. – Устал вот только от безделья. В последнее время было мало полётов...

– Хочешь сказать, я тебе удружила? – с мягким укором, словно уловив некоторую, тщательно, даже от самого себя скрываемую, неискренность в словах Каэ, произнесла Эвия. – О, нет, Каэ!

Она протянула руку, словно показывая грядущий и невидимый пока путь в скопление мерцающих звёзд.

– Нет, не такую услугу хотела бы я тебе оказать. Ты ведь один из лучших. И давно, очень давно с нами. Мы живём в космосе, но это не дом, Каэ.

– Но мы и не хотим строить здесь дом, – напомнил Каэ. – Мы не нарушаем Гармонию, не вторгаемся в иные миры, не навязываем себя Миру.

– Не убиваем, – продолжила в тон ему Эвия.

«Творец мой!» мысленно воскликнул Каэ.

И заметил, что при этих словах Эвия перестала улыбаться и глаза её стали грустными.

– Не убиваем? – переспросил Каэ.

– Мы не убиваем, – поторила она.

И нажала кнопку на зажатой в ладони коробочке.

Один из сегментов на куполе зала (тот, что был прямо над их головами) засветился мягким голубоватым светом и белые линии проплыли по появившемуся полупрозрачному экрану, выстраиваясь в какую-то схему.

Линии, точки и перекрестья схемы закрывали один из районов соседней галактики, хорошо видимый и сквозь экран, и сквозь поверхность купола. Линии схемы совмещались с созвездьями этой галактики и реальные, хотя и очень далёкие миры, оказывались очерченными границами выведенного на экран чертежа.

– Галактика Кробол, – пояснила Эвия. – Созвездие Морского Змея, внешний пояс звёздной системы «Креос-32». Видишь, Каэ?

Он кивнул в ответ. И увидел, что белое облако галактики, отражённое оптическими системами купола, стало стремительно увеличиваться в размерах и растущие созвездия как будто полетели ему навстречу.

Каэ знал, что это лишь эффект увеличения картинки, выведенной на экран купол и удивительно точно совмещённый с реальной картиной звёздного неба, видимой через тот же участок купола.

Но эффект увеличения был настолько сильный и неожиданный, что ноги у Каэ невольно подкосились и закружилась голова.

Эвия, поглядев на Каэ, замедлила немного виртуальный полёт звёзд.

– Голова не кружится? – спросила она с некоторым беспокойством.

– Есть немного, – смущённо ответил Каэ. – Всякие чудеса техники видел, но такие...

– Скоро пройдёт, – успокоила его Эвия. – Пока слушай. Слушай, что там случилось. Это Рубеж, Каэ. Один из его миров.

Каэ кивнул и ладонями провёл по векам.

«Ну вот, уже легче. И в самом деле, нужно привыкнуть – и всё будет хорошо!»

– Я понял, Эвия. С самого начала. Это область Рубежа. Там нет наших баз, космодромов, посадочных площадок...

– наших – нет, – слова Эвии прозвучали совершенно неожиданно.

«Наших? А какие есть?» удивился Каэ.

Высокоорганизованные формы жизни, способные хотя бы к межпланетным полётам (не говоря уж о межзвёздных и межгалактических), ещё не встречались ни одной экспедиции Зелёного Мира.

«Вроде бы триподы» вспомнил Каэ. «Они очень смыслённые и такие искусные строители! Их мир как раз в Кроболе, недалеко от Морского Змея. Только звёздная система другая...»

И тут же отверг эту догадку:

«Да нет, это по нашим меркам они недалеко. А по их – на невообразимо огромном расстоянии от „Креоса“. Другое созвездие, сотни световых лет... А триподы всего-то три года назад по галактическому времени освоили полёты в атмосфере. Какими бы искусными мастерами они ни были, но путь от плетёных из веток и затянутых плёнкой из кожи мангура крыльев до звездолётов за три года им не пройти! Может, и ста лет им не хватит... Нет, конечно же, не они. Но кто? Триподы – самые технологически развитые в этой области галактики... Или уже нет?»

И Каэ с трудом сглотнул неожиданно ставшую густой слюну.

С мирными триподами проблем, конечно, не было бы... Но кто там появился, новый и?..

«Мы идём навстречу Злу!»

...И опасный?

– А чьи есть? – обеспокоено спросил Каэ.

– Вчера мы потеряли связь с одним из наших исследовательских звездолётов, – произнесла вместо ожидаемого ответа Эвия. – Корабль «Декрон» вышел в систему «Креос», получив сигналы, которые бортовой анализатор опознал как Импульсы Боли...

Увеличенная до половины экрана система «Креос» покачивалась в белом тумане планетами и тремя разноцветными шарами солнц.

– Вот в этой точке корабль исчез с наших экранов, – пояснила Эвия.

Зелёная точка вспыхнула на экране, появившись возле одной из планет «Креоса», что вращалась вокруг самого мирного и симпатичного, жёлтого солнца (остальные два, грозное белое и умирающее красное, Каэ не пришлись по душе).

Импульсы Боли... Каэ знал о способности бортовых анализаторов исследовательских кораблей перехватывать и распознавать эти волны, самые страшные волны, испускаемые Космосом.

По счастью, ни в одной из его экспедиций не приходилось ему слышать транслируемые системами связи леденящие душу крики: звуки умирающего... или убиваемого мира.

Но «Декрон» услышал. И выполнил долг разума: пошёл навстречу умирающим.

И пропал.

– Нашим пилотам не по душе эта область космоса, – продолжала Эвия. – Там творятся... какие-то...

На мгновение у неё перехватило дыхание.

– Какие-то страшные вещи, – произнесла, наконец, она. – Этот случай – не первый, Каэ. Командиры звездолётов получили распоряжение не совершать полёты этот район... Только миссии спасения. Экипаж «Декрона» решил, что это, видимо, тот самый случай. Теперь, возможно, спасать придётся его.

– Что там происходит? – спросил Каэ.

Эвия закрыла глаза. Она пыталась сосредоточиться. Дыхание её стало сбивчивым, неровным. Она словно задыхалась.

– Прости, Каэ, – ответила, наконец, она. – Мы обманываем. Тебя, наших добрых друзей, наш тихий мир... Мы обманываем. Всех. И себя тоже...

«Что с ней происходит?» с беспокойством подумал Каэ. «О чём она говорит?»

– Кто – «мы»? – спросил Каэ. – В чём заключается обман? Поясни, Эвия, я перестаю тебя понимать.

Экран на куполе погас, повинувшись мысленной команде Эвии.

Она уронила пульт управления, и с глухим стуком он упал, краем ударившись о плиты. Каэ увидел, как запрыгал по плитам крохотный чёрный осколок отколовшегося пластика.

«Да что с ней?»

– Лжецы! – с ожесточением выкрикнула Эвия. – Сколько кораблей мы уже погубили! Она отвернулась. Но слишком поздно – и Каэ увидел странный блеск на её щеке.

– Эвия, успокойся, – тихо произнёс он. – Я пока не понимаю, кого и в чём ты обвиняешь. Но знаю точно, что время уходит, а время сейчас – не на нашей стороне.

Эвия кивнула. Подошла к нему и положила ладони ему на плечи.

– Слушай, Каэ, – сказала она. – Мы больше не будем молчать. После исчезновения «Декрона» все экспедиции Мира получают предупреждение... Мы признаем вину, мы с готовностью примем наказание...

– Да кто – «мы»?! – не выдержав напряжения, выкрикнул Каэ.

Он не мог больше выслушивать эти загадки и странные намёки, хоть и понимал, что Эвия хранит некую страшную тайну, разрушившую её жизнь и грозящую опасностями всему их Миру. Тайну, заставлявшую её идти против совести, против всех её прежних убеждений, против самой себя.

И теперь, когда душевные силы её были на исходе, даже само признание в том, что она хранила нечто в своей душе; нечто, поглотившее все её силы; нечто, навсегда изменившее её судьбу; даже само признание в сохранении тайны давалось ей нелегко.

Она отступила на шаг. Приложила палец к губам.

– Мы делали так... Чтобы не проговориться. Теперь поздно. Похоже, мы столкнулись с враждебным миром, Каэ. Мы слишком далеко углубились в космос, Каэ. Мы вышли за Рубеж, в неизведанные области внешнего пространства. И до времени, до самого последнего времени не знали, что навстречу нашим кораблям движется какая-то страшная, жестокая, неумолимая сила... мы вышли в область, где действуют силы иного, непонятного нам, губительного для нас мира. Мы назвали его: «Цивилизация Беллис».

– Вот как? – удивлённо воскликнул Каэ. – Ничего не слышал о нём. Новый мир? Новый контакт?

«Творец, да что я такое говорю!» мысленно одёрнул он сам себя. «Что за наивные слова! Она же ясно сказала, что этот мир нам враждебен... Но как такое может быть? Мы никогда ещё не встречались с враждебными нам цивилизациями. Мы испытывали на себе лишь агрессию некоторых примитивных обществ, на далёких планетах, на окраинах Мира. Но контакты с этими мирами приостановлены на время их взросления. Но... Цивилизация, да ещё и угрожающая нашим кораблям? То есть высокоразвитая цивилизация? Агрессивная высокоразвитая цивилизация? Чушь! Чепуха какая-то! Этого не может быть. Разум и агрессия несовместимы! Это же очевидно! Наше учение, наша вера...»

Каэ почувствовал, как волнение охватывает его и кровь горячим, пульсирующим потоком приливает к голове.

Мысли его смешались. Он уже и сам не мог понять, что именно он сейчас испытывает более: удивление, замешательство... Или возмущение нелепым промыслом Творца, допустившего такое невероятное, нелогичное, безумное и даже преступное смешение разумного и губительного.

«Беллис» – безумцы?...» промелькнуло в голове у Каэ.

– Им не нужны контакты, – продолжала Эвия. – Мы не знаем, кто они такие, эти люди «Цивилизации Беллис». Мы даже не знаем, как они выглядят...

Помолчав немного, Эвия добавила:

– Мы даже не знаем, люди ли они.

– У нас нет их изображений? – уточнил Каэ.

– У нас ничего нет, кроме погибших кораблей, – ответила Эвия.

«Кораблей? Погибших? Вот это новость! Вот что они скрывали!»

– Мы, командиры экспедиций Зелёного Мира, скрывали информацию о гибели наших звездолётов, – подтвердила Эвия его догадку. – В последнее время... не так давно... нет, уже не помню, когда именно это началось... Наши корабли стали гибнуть. Первый случай мы посчитали лишь несчастием. Трагическим стечением обстоятельств. Исследовательский корабль погиб на одной из планет с агрессивной кислотной атмосферой. Мы полагали... Точнее, пытались сами себя успокоить. Нам хотелось думать, что это просто несчастный случай: разгерметизация корпуса, сбой в системе защиты...

– Первая ложь! – выкрикнула Эвия. – Сначала мы обманывали сами себя. Мы же знали, что кислотная атмосфера, высокая температура и смесь ядовитых газов не представляют опасности для исследовательского корабля. Никакая, даже самая агрессивная природная среда не преодолела бы силового поля! Мы успели получить данные телеметрии, даже слышали крики о помощи... И пытались успокоить себя ложью! Конечно, такого успокоения хватило ненадолго. Уже потом, спустя много дней, мы обследовали место гибели корабля и наши самые худшие опасения, те опасения, которые мы боялись даже упомянуть вслух – подтвердились. Корабль был атакован и уничтожен. Оружие примитивным, но, к сожалению, действенным: взрывчатыми веществами мгновенного горения, лазерными и плазменными установками... Там ещё была повышенная радиация... В общем, наш Мир прошёл через этот кошмар много, много веков назад. Кто мог представить, что это повторится?

– Беллис! – сказал Каэ, озарённый внезапной догадкой. – Слово казалось мне знакомым, но всё никак не мог вспомнить, где я его раньше слышал. Это же было на курсах по изучению древних Религий Разделения.

– Это имя древнего бога, – подтвердила его догадку Эвия. – Древнего бога войны. Мало кто помнит это имя. Даже историки и архивариусы стали подзабывать богов Разделения. А этот божок – один из самых пыльных. Его отправили в архив на самой заре нашей цивилизации. Даже самым диким и необузданным из наших предков он казался слишком жестоким. Порождение фантазии безумного шамана! Но, видишь, пришлось его вспомнить... Нашим экспедициям стали встречаться планеты: выжженные, с разрушенными городами, с иссушёнными озёрами и реками, с истощёнными недрами, будто выгрызенными изнутри гигантскими червями-точильщиками... С бесконечными рядами могильных рвов! Планеты, обращённые в огромные могильники. И везде – следы «Беллис». Их оружие. Примитивное, но очень действенное... Мы до сих пор не можем понять, кто же творит эту чудовищные злодеяния. Наши звездолёты погибают, не успев сообщить ничего определённого о тех, кто атакует их. Иногда мне хочется думать, что существа, сотворившее такую жестокую цивилизацию – монстры, ничем нас не напоминающие. Скажем, покрытые ядовитой слизью спруты. Или насекомые. Или какие-нибудь многоножки... Или и впрямь гигантские черви. Но... знаешь...

Эвия грустно улыбнулась.

– Кажется, внешне они всё-таки похожи на нас. Наши учёные, проанализировав полученную исследователями информацию и изображения их звездолётов, которые нам всё-таки удалось получить с некоторых автоматических станций слежения, пришли к выводу, что «Беллис» внешне похожи на нас. Иначе конструкция их кораблей и приборов была бы другой. Да и средства уничтожения они выбрали бы иные...

Эвия развела руками, словно предлагая разделить её удивление.

– Не могу этого принять, Каэ. Но ведь бывает и так? Похожи на нас... Мы скрыли информацию от экипажей. Ограничились лишь докладом правительственному совету и рекомендацией воздержаться от контактов с «Беллис». Тогда нам казалось это правильным: не распространять информацию о безумцах, с которыми нам пришлось столкнуться. Просто быть в стороне от их безумия. Тем более, что поначалу это было далеко за областью Рубежа. Но «Беллис» неуклонно двигался вперёд. И теперь он подобрался к самому Рубежу. И, похоже, они не остановятся перед вторжением в наш Мир.

– Ты помнишь, Каэ, – после короткого молчания спросила Эвия, – старую легенду о любопытном монахе, который копал ямы в поисках спрятанного древнего свитка с пророчествами? Он был очень усерден в своих поисках, и неутомим. И однажды выкопал такую глубокую яму, что провалился в преисподнюю. Духи зла встретили его и, прежде чем окунуть в озеро из расплавленного свинца, рассказали великую тайну: в свитке нет никаких пророчеств. А есть лишь один добрый совет: «Не копай слишком глубоко – провалишься в ад!»

– Не надо, Эвия, – попросил Каэ. – Я знаю, к чему ты клонишь...

– Мы приманили этих духов, – с грустью и горечью в голосе сказала Эвия. – Мы слишком далеко зашли. Через дыру в земле духи пролезут в наш мир.

– Раскроем арсеналы, – с наигранной и оттого совсем неубедительной весёлостью воскликнул Каэ. – Три столетия в них никто не заглядывал. Может, и настала пора? Сотрём этих монстров...

– Мы сами станем монстрами, – прервала его Эвия. – Страшнее их. Ведь наше оружие куда смертоноснее! Я не хочу этого, Каэ. И ты не хочешь, как бы не храбрился и не старался меня успокоить. Никто этого не хочет! Но как же быть?

– Но мы-то разумные! – с возмущением воскликнул Каэ.

– Как знать, – ответила Эвия. – Быть может, и они когда-то были разумными. Пока не раскрыли свои арсеналы... Для тебя готов корабль, Каэ. Исследовательский звездолёт «Тритис» с улучшенной системой защиты. Улучшенной с учётом... сам понимаешь, чего именно. Полётное задание загружено в бортовой компьютер, сейчас техники базы проводят предстартовую проверку. Три стера у тебя на отдых и ознакомление с кораблём, потом надо лететь...

– Экипаж? – уточнил Каэ.

– Ты один, – сказала Эвия.

И, улыбнувшись, добавила:

– Конечно, не считая роботов и бортовых систем. Это полностью автоматизированный звездолёт, Каэ. В принципе, он может совершать и непилотируемые полёты, но совет принял решение направить одного пилота. Это спасательная операция, Каэ, и по правилам человек на борту...

– Я помню, – ответил Каэ. – Гарантия гуманных решений. У роботов плохо с эмоциями, спасатели им не доверяют. Я исследую район исчезновения «Декрона»?

– Да, – подтвердила Эвия. – По единому астрономическому справочнику звёздная система называется «Креос-32», координаты заложены в бортовой компьютер. После выхода звездолёта из канала перемещения не надо включать квантовые передатчики...

– Но этот район очень далеко от базы! – удивился Каэ. – Сигнал от обычного передатчика столетия будет идти!

– Не нужны сигналы, – сказала Эвия. – Это опасный район, Каэ. Кто знает, как «Беллис» находит наши корабли... На время проведения спасательной операции – никаких сигналов. Системы слежения всё запишут, зафиксируют каждый шаг. Если что-то случится – компьютер автоматически пошлёт сигнал тревоги с полной записью полёта и координатами корабля. Мы придём. И тогда, возможно, нам уже не удастся сохранить нашу прежнюю чистоту...

– А если компьютер неверно оценит обстановку? – спросил Каэ. – Или будет выведен из строя? Ведь «Беллис», похоже, умеет замечать следы.

– Есть одно условие, – ответил Эвия. – «Тритис» будет слушать тебя. Твоё сердце. Если... Голос её дрогнул.

– ...Если больше не услышит...

Она отвернулась.

– Я понял, – ответил Каэ. – Не переживай, Эвия. Это моя работа.

– Мы не теряем людей, – прошептала она. – И не планируем... Ради Творца, прошу тебя, Каэ! Вернись!

– Обязательно!

И Каэ поднял вверх сжатый кулак.

– С «Декроном»! И никакого риска.

Потом просящим голосом добавил:

– Ну хоть на этот раз я своего робота могу с собой взять? Не просто же так он со мной летел! Это же такая обидчивая железяка...

Эвия кивнула в ответ.

Короткая перебежка. Остановка.

Монитор системы ночного видения, закреплённый на каске, только кажется лёгким.

Пока не начнёшь вот так вот бегать по тёмному лесу, перескакивая через бугры и кочки, понимаясь и спускаясь по крутым склонам холмов. Тогда этот проклятый монитор начинает давить на лицо, перевешивая каску, чуть ли не стаскивая её с головы. И пот, стекающий по глазам, невозможно вытереть. Ведь для этого надо отсоединить крепления, и тогда бледно-голубой свет экрана станет заметен издали.

И какой-нибудь хитрый и терпеливый снайпер повстанцев, заметив свечение, выстрелит на огонёк – точно в лоб. Или висок.

А пока монитор закреплён и экран его вплотную прилегает к лицу – ничто не выдаст солдата Сил Порядка, пробирающегося через лес к базе повстанцев.

Маскировка редко его подводит: Республика заботится о своих солдатах.

Камуфляжный комбинезон с поглотителем инфракрасного излучения, защитная маска на лице, перчатки с термозащитой. Стальные приводы экзоскелета бросают тело вперёд – для таких операций командование не жалеет средств.

Это только десантники не любят нагружать себя лишним пластиком и железом, воюют по старинке, двигаются налегке.

И припасы носят в каких-то древних, даже на вид примитивных и неказистых вещмешках... Не любят отчего-то ранцы с плечевой подвеской.

Даже браврируют этим своим пренебрежительным отношением к всем современным приспособлениям для «комфортной войны»...

Хотя, какая она, к демонам, «комфортная»? Даже со всеми приспособлениями...

Вперёд, вперёд!

Сто шагов, сто пятьдесят, двести.

Без остановки, без отдыха, без передышки.

В их отряде каждый знает: в конце пути не отдых. В конце пути будет бой, в который они вступят сходу. Быть может, и бой этот начнут не они, а передовые дозоры повстанцев.

Это если повстанцы обнаружат солдат раньше, чем солдаты обнаружат их.

Если так случится, то бой будет особенно труден. Придётся поначалу стрелять на ходу, а повстанцы будут поливать их огнём из укрытий.

Они ведь тоже научились маскироваться, строить укрытия, рыть окопы и стрелковые ячейки, оборудовать защищённые позиции.

И стрелять!

Заразы! Даром, что дикари, аборигены лесные, а стреляют иногда не хуже бойцов из элитных частей. Даже снайперы у них свои есть: из штурмовых винтовок, бывает, и вертолёты сбивают. И оружие, говорят, в каких-то тайных мастерских научились собирать...

Учёные Республик давно уже объяснили бойцам, что аборигены – несчастные дегенераты.

Дети инцеста, рождённые в замкнутых и изолированных от общения с планетами цивилизованного мира на протяжении веков мирах.

Убогие вырожденцы, влачившие жалкое и без меры уже затнувшееся существование в немногочисленных колониях, рассеянных на затерянных планетах Тёмного пояса.

Осколки давно погибшей цивилизации, беженцы, скрывавшиеся в поселениях на отдалённых планетах.

Откуда они вообще взялись здесь? Быть может, их предки сами погубили свой мир. А эти...

«Умереть для них лучше, чем жить».

Так сказал командир. Он знает. Он образованный. Говорят, его скоро в Академию отправят учиться, вернётся с капитанскими нашивками...

И то правильно – он своё дело знает. И объясняет всё грамотно и точно.

Дегенератам надо умереть. Их жизнь – мучение. Они опасны сами для себя.

Они и сами не вдают, для чего нужна им жизнь. Для чего они строят свои жалкие подобия городов (ну не сравнивать же их с городами Республики! смешно же, право слово...), свои убогие «космопорты» с примитивными терминалами, которые без ремонта даже посадочные капсулы космолота Республики принят не в состоянии.

И для чего-то они плодятся, мерзавцы! Для чего-то рожают вопящих своих пацанов и девчонок, своих обречённых на короткую и безрадостную жизнь сопляков. Они не хотят отдавать свои никчёмные жизни, свои лишние жизни, свои опасные для цивилизации и свободы жизни, они цепляются за свой мирок, как нищий за вонючее рубище.

И тянут, кидают в этот мир всё новых и новых дикарей – из упрямства, из дикарского своего упрямства.

«По привычке» объяснил командир. «Дикари всё делают по привычке. Они живут, руководствуясь не доводами рассудка, а программой, заложенной в них природой. Они слепо и покорно следуют командам этой программы, так же, как делает это любое животное, лишённое разума. И только какой-нибудь случайный взрыв эмоций способен отвлечь их на короткое время от привычного животного существования. Они всё делают по привычке и инстинктивно: едят, пьют, строят жилища, рожают детёнышей... Разве это человеческие дети, солдаты? Не заблуждайтесь, они только похожи на ваших детей. Это несчастные детёныши, котрым нет места в нашем мире. А породившие их аборигены убивают нас, та же повинувшись инстинкту, повелевающему убивать чужаков, вторгшихся на территорию стаи. Будьте осторожны, солдаты! Научитесь быть сильными: нам ещё только предстоит сделать этот мир безопасным».

Да, красиво говорит командир, ничего не скажешь. Одно слово, образованный...

Только иногда – длинно слишком говорит. Можно короче.

Здесь нет людей, кроме нас. А здешние твари умеют ходить на задних лапах и огрызаться.

Успокойся, командир...

Всяких видели, всяких. Не первую планету чистим от космического мусора.

Подонки, дикари!

Когда же это кончится? Который день: лес, лес, сплошной лес. Теперь вот и холмы начались.

Говорят, это предгорье.

Говорят, если двигаться по холмам – они будут расти, становиться всё выше и выше.

И перейдут в горы.

А если отвернуть от холмов на северо-запад и пересечь сплошную полосу лесов, то выйдешь напрямиком к болоту. Большому, протяжённому, гиблой топью раскинувшемуся болоту, которое даже аборигены обходят стороной.

Проклятая планета! Дикий мир: ни пройти, ни проехать. Только вертолётами, а по равнинам – глиссерами на воздушной подушке.

Вертолёты, правда, дикари научились сбивать. И глиссеры уничтожать научились...

Плохие у них привычки, у этих животных. Дрессирует их кто-то, что ли?

Пятьсот шагов. Пятьсот пятьдесят.

Дрессируют... Спросить бы у командира. Так, чтобы понятно, по простому объяснил.

А то ведь до конца не ясно, какой ещё пакости ждать.

Точно, спросить. Утром, после атаки. Если выживем...

Оперативные данные полевой жандармерии по радиоперехвату в секторе «Север».

Группа радиоконтроля полевой жандармерии, сектор «Север», объект «32—46» звёздной системы «Везер-3».

Время 15 и 5 хорра, местное.

В связи с проведением специальной операции против одной из банд, скрывающейся в лесном районе к югу от Скалистой гряды, группой радиоконтроля полевой жандармерии была проведена акция по перехвату радиосообщений и общему контролю обмена данными (в том числе передаваемым по закрытым каналам связи) между командованием наземных сил эскадры Эрхарна и командирами отрядов, участвующих в блокировании и ликвидации банды.

В промежутке между 15 и 15 и 5 хорра нашей группой зафиксированы следующие сообщения, безусловно представляющие оперативный интерес для служб полевой жандармерии.

Доклад направлен на имя полковника Ульмера с копией майору Нейберу.

Запись 1.

Полевая рация, закрытый канал. Передача велась на командный пункт орбитальной станции из района боевых действий.

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Пока обстановка спокойная, господин капитан. Но скоро всё изменится. Мы зажали повстанцев у холмов в предгорьях. Передовые группы подошли вплотную к их лагерю, на расстояние броска».

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«Точнее, Текер! Командор любит точность, а вашу операцию я обязательно упомяну в общей сводке по северному участку».

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Прямая видимость. Затрудняюсь определить расстояние. Но разведка видит лагерь повстанцев, у них горят костры. Никакой маскировки, всё просматривается... Даже странно как-то... Ведём визуальный контроль».

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«Лейтенант, не атаковать до входа основной колонны повстанцев в шахту!»

Перерыв четверть хорра.

Запись 2.

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Капитан, разведка осмотрела лагерь. Он пуст. Абсолютно точно... Да, костры, палатки. Капитан, позвольте спросить, откуда поступила информация об уходе повстанцев в шахту? Тут действительно какой-то вход на склоне холма... Кажется, действительно старая шахта...»

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«... (помехи) вам поступают с опозданием!»

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Виноват, господин капитан. У меня только информацию от войсковой разведки. Да, они ушли. Весь район перекрыт. Заняться этими подземными гномами?»

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«Терпение, лейтенант! Дайте им уйти, дайте им хорошенько завязнуть. В бой не ввязываться, под землю не идти. Держите входы под контролем. Через пол-хорра начинайте минировать шахту. Есои вам помешают – атакуйте! Помните, там два входа. Два, не один! Как поняли?»

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Так точно, господин капитан. Есть второй... Они же уйдут, господин капитан!»

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«Лейтенант, делайте то, что вам говорят. Выполняйте приказ и ни в коем случае не лезьте в шахту! Им никуда не деться! Минируйте шахту и готовьте взрывные заряды. Как только всё будет подготовлено – активируйте детонаторы и завалите эту дыру к демонам! Вам понятно?»

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Господин капитан, если в шахте есть тяга, химия не сработает. Нужна высокая концентрация!..»

От фрегат-капитана Кирсти лейтенанту Текеру.

«Лейтенант, не учите меня элементарным вещам! Там нет тяги. Там тупик. Выполняйте! Как поняли?»

От лейтенанта Текера фрегат-капитану Кирсти.

«Да, господин капитан. Прошу прощения, господин капитан. Мы готовы... (помехи) ... и начали... (помехи)...»

Перерыв пол-хорра.

Запись 3.

От лейтенанта Текера отделению разведки.

«Да нет, какого демона!.. А вы куда смотрели?.. Да, уничтожить! Попытка прорыва... и чтобы... (помехи)...»

Резолюция полковника Ульмера: «Частный случай, но всё равно любопытно. Интересный метод ликвидации: заманить в нору и придушить там как подвальных крыс, при этом не ввязываясь в бой. Но у Кирсти явно что-то пошло не так. Впрочем, флотские мало что понимают в наземных операциях. Напрасно им доверили общее командование. Отметить это в докладе!».

Дополнительная резолюция полковника Ульмера: «Надо обратить особое внимание на осведомлённость Кирсти в перемещениях повстанцев. Похоже, у него своя агентура появилась среди дикарей. Это уже опасная самодеятельность, фрегат-капитан! Армейская разведка не имеет права самостоятельно проводить вербовки, при этом даже не ставя нас в известность! Или вы надеетесь обойтись без нашей помощи?»

Резолюция майора Нейбера: «Материалы используем для доклада. Это явная неудача армейской разведки. Но когда армейские успели провести вербовку? А мы полагали, что эскадра под надёжным контролем наших людей».

Ответ полковника Ульмера: «Нейбер, занимайтесь своим делом! Ваша забота – повстанцы. Эскадрой занимается другая группа. И доложите мне, наконец, что там у вас происходит с перевозками арестованных. Почему столь важная информация приходит от сотрудников транспортного отдела, а не от вас? На утреннем совещании хотелось бы услышать ваши объяснения по этому поводу».

Стальная дверь на проржавевших петлях медленно, с протяжным, жалобным скрипом открылась – и свежий вечерний воздух с давно уже забытым запахом влажной травы, дождевого леса и пропитанной грозовой водою земли ворвался в полутёмный коридор бункера.

Аден задыхался: тяжело, часто, жадно. Не вдыхая – заглывая воздух, ртом хватая его, пробуя на вкус.

Сейчас он казался сладким с кисловатым привкусом вечерней грозы.

Аден раньше и представить себе не мог, что воздух можно пробовать на вкус, как вино.

– Внимание!

Охранник в сером жандармском камуфляже щёлкнул предохранителем и направил ствол на группу арестованных.

– Всем стоять! Не двигаться! Не шевелиться! Не разговаривать! Стреляю без предупреждения!

Какая странная ватная слабость в ногах... И туман перед глазами – не тот, красный, просоленный кровью, тяжёлый туман, что на исходе допроса свалил его с ног, а другой.

Светлый, тихий.

«Может, я скоро успокоюсь?» подумал Аден.

И устыдился охватившей его слабости.

«Ты не должен сдаваться, доктор. Хотя бы попробуй не сломаться... Понимаю, они умеют ломать. Они могут переломить твой позвоночник – как сухую ветку, об колено. Они ждут, когда ты смиришься и сам попросишь о смерти. Лёгкой смерти. Ты их знаешь, доктор. Знаешь их ловушки... Попробуй ещё подышать. Ещё немного. Ради Сильвии, ради всех тех, кто остался... в огне... Попробуй ещё... немного... не падать. Всё равно: вот сюда, внутрь, под череп – они не заберутся. Не смогут. Со всей их пыточной техникой, со всем их палаческим опытом и людоедской квалификацией. Не смогут, если ты сам им не позволишь. Пострайся не позволить, пострайся! Аден, очень тебя прошу!»

Доктор закашлял и инстинктивно приложил скованные наручниками руки к груди.

«Задыхаюсь...»

– Не двигаться! – снова закричал охранник. – Всем стоять! Выходим только по команде.

Это, верно, ещё одна их попытка: вывести арестованных к самому выходу из бункера, и держать у открытой двери, не давая выйти.

А так, хоть глазком взглянуть... Ведь, признаться, спускаясь в это ад, доктор и не думал, и не надеялся, что когда-нибудь снова сможет увидеть хотя бы кусочек неба... или как сейчас – ночь, верхушки качающихся под ветром деревьев, дальние вспышки прошедшей грозы, лужи...

Лужи! Какое счастье – просто лужи. Блики. Отражения.

Белые отсветы прожекторов.

Дождевая вода, простая дождевая вода – вот здесь. В паре шагов.

Как же хочется сделать эти два шага. Вот так просто – выйти, наконец, из проклятого этого подземелья. Переступить через бетонный порог, выйти – и побежать. Быстро, быстро – насколько выдержат ослабевшие ноги.

Пробежать по бетонным плитам площадки перед бункером (ведь кончится она когда-нибудь?), миновать её (будь и она проклята, как и всё, что понаделали эти «серые» на его родной планете!) – и добежать, добраться до леса, который, кажется, совсем рядом, близко, близко...

Дотронуться до его веток, упасть в его траву, лежать... Просто лежать – и смотреть туда, вверх, в ночное небо. Следить за проплывающим тучами, раскрытыми ладонями ловить падающие с деревьев капли.

Петь, кричать! Дышать, дышать, дышать – без конца, без меры, без осознания близкой смерти, без отсчёта последних мгновений жизни, без этих, черти их забери, стволов! Затворов, прикладов...

Аден не отрываясь смотрел на белую полоску света, пробивающуюся в коридор бункера. Там, там ведь...

– Мне плохо, – пожаловалась женщина, что стояла рядом с ним.

Она подняла руки: кисти были бурого, с синевой, цвета. Кисти были туго стянуты наручниками, жандармы явно перестарались... Или стальными затягивающимися кольцами специально сдавили вены?

Она качалась. Из рассечённых губ текла кровь. Платье на ней было изорвано в клочья, так что едва прикрывало её тело.

Женщина дрожала от вечернего холода. Она едва оставалась в сознании.

Аден повернулся в ней... И на мгновение, на самое малое мгновение в коротком движении этом он всё-таки увидел крашек этой...

Нет, не свободы. Там за пределами бункера, всё ещё продолжались владения жандармов. Даже небольшого кусочка, малой части картины, увиденной Аденом было достаточно, чтобы понять: бункер – не конец ада.

Широкая бетонная площадка перед бункером обнесена была высоким забором из колючей проволоки, прочно закреплённой на врытых в землю бетонных столбах.

А по периметру площадки с оружием наизготовку стояли автоматчики всё в той же, до боли, до тошноты опостылевшей серой жандармской форме.

Белые лучи прожекторов скользили по бетону, словно от напряжения чуть заметно подрагивая, ощупывая прямоугольники плит.

Вот только воздух там, снаружи, уже не принадлежал жандармам. И ветер. И ночь была не их.

И шум листьев, и высвеченные лучом верхушки деревьев.

Это всё не их.

Они боятся его мира. Они здесь чужие. Они здесь – никто. Призраки, выползшие из мрака мертвецы, пожирающие живых. Мертвецы с бледной кожей и пустыми глазами.

Они боятся его мира, его света, его жизни – и сидят в своих бункерах, только ночью рискуя выползая на свои бетонные площадки, для большей безопасности обмотанные со всех сторон рядами колючей проволоки, обнесённые пулемётными вышками, заминированные по границе, защищённые сигнализацией.

Они сами засадили себя в тюрьму! Тюрьму, из которой никогда уже не выберутся. Даже если истребят всё живое на этой планете – не выберутся.

До конца дней своих будут вздрагивать, услышав слово «повстанец». И просыпаться в холодном поту, увидев во сне хотя бы смутную, тенью промелькнувшую картину его мира, его жизни.

Так, может, и ради этого стоит жить? Оставить на память этим мерзавцам страх. Страх, который заменит им совесть. Страх, который не даст им высунуть нос их их зловонной норы.

«Соппротивление не бывает бессмысленным, Аден... Так, кажется, говорил этот человек. Тот, что пришёл к нам в город незадолго до начала войны. Тот, что уговаривал их бросить город и уходить в лес, пока не поздно. А ведь тогда мало кто ему поверил. Мало кто его послушал. А ушли вместе с ним – вообще единицы. А потом было поздно...»

Аден наклонился к женщине, взял её ладони и начал их массировать.

– Ой, спа... – прошептала она.

И не смогла договорить. Слабость охватила её и язык почти не слушался.

– Я кому! – завопил охранник и подскочил к доктору.

Сопровождавший их сержант демонстративно сплюнул на пол и отвернулся.

«Тоже мне... выслуживается» прошептал он.

Довольно громко, так, что доктор услышал.

Услышал, кажется, и жандарм, отчего взбеленился ещё больше.

– Я кому сказал! – сорвался он неа визг и стволом автомат ткнул доктора в живот. – Тебя мало учили?! Мало били тебя, урод?! Стоять! Не двигаться! Пристрелю, ублюдок!

– Женщине плохо, – с трудом сохраняя спокойствие, ответил Аден. – Вы видите, она сознание теряет. У неё руки сдавлены наручниками, кисти уже посинели. Снимите их, пожалуйста. У неё начнётся некроз тканей...

– Ишь ты, заботливый, – прошипел охранник. – О себе подумал?

– Я доктор,.. – начал было Аден, но охранник наотмашь ударил его по щеке.

– Ты никто! – выкрикнул он. – Пыль бункерная! Ничтожество! А вот я – доктор. В отличие от вас всех, шарлатанов. Я-то ей помогу, не сомневайся!

Охранник ударил женщину прикладом по голове. Откинувшись от удара назад, она затылком удрилась о стену бункера и, потеряв сознание, спозла вниз.

– Вот так, – удовлетворённо сказал жандарм.

Наклонился над женщиной и, набрав код на наручниках, снял их.

– Теперь, лекарь, потащишь её на себе, – сказал он доктору. – До самой расстрельной ямы можешь ей помощь оказывать.

И улыбнулся, довольный собственной шуткой.

«А ты задница, Эшбер» произнёс в спину охраннику сержант и фонариком осветил на упавшую. «Если ты её убил – я тебе лично нашивки посрываю!»

Охранник обернулся и приложил палец к губам. Потом показал на дверь.

Сержант прислушался.

Точно, дождались. Вертолёт!

– Внимание! – сказал сержант. – Эшбер, выводите арестованных.

Аден услышал нарастающий частый стрёкот, постепенно переходящий в треск, и, наконец, в тяжёлый, оглушающий грохот и рёв.

Охранник толкнул дверь, нараспашку открывая её – и зажмурился от летевшей в глаза водяной пыли, поднятой в воздух винтами.

Будто смерч закружил по площадке, мощными воздушными потоками сбивая с ног.

Пузатый транспортный вертолёт завис над бункером, бортовыми огнями высвечивая себе место для посадки. Из брюха медленно, словно с опаской щупая воздух, выползли шасси.

Вертолёт качнулся и медленно пошёл вниз.

Коснулся колёсами площадки и грузно опустился, тяжестью вдавив заскрипевшие чёрные покрышки шасси в бетон.

– Ничего себе! – в восторге воскликнул охранник.

И, развернувшись к сержанту, закричал:

– Видал, какую дуру огромную за ними прислали? А их тут всего-то десяток, не считая нас.

– Чему радуешься, дурак? – сердито ответил сержант. – Это же транспортный вертолёт. У него ни бронирования, ни оружия нормального. Пара пулемётов, от силы.

– Зато лететь будем с комфортом! – не сдавался охранник. – Ничего ты не понимаешь в комфортных полётах.

– Так, – обратился он к арестантам. – По одному, за мной. Не отставать и не дёргаться! А то точно пристрелю! Заходим в вертолёт, по команде – рассаживаемся. И сидим тихо, без шума – до конца полёта. Лекарь несёт бабу и очень старается не отстать. А то я лично сделаю ему больно! Пошли, твари!

И ударил прикладом по плечу арестанта, стоявшего ближе к выходу.

Автоматчики бежали, выстраиваясь у борта вертолёта в живой коридор.

Аден увидел, как коснулся бетона откидывающийся трап.

И, в проёме, внутри этой несущей их к смерти машины – залитые красным светом бортовых ламп ряды сидений, а над ними – свисающие с потолка цепи.

«Ну вот, пожалуй, и всё» подумал Аден, подхватывая на руки женщину. «Кажется, последний полёт... Как же быстро всё заканчивается. И так странно...»

Чучело летучей мыши, на тонкой металлической проволоке подвешенное под самым потолком кабинета, качнулось под едва ощутимым дуновением ветра.

Воздух сквозит, течёт сквозь щель в полуоткрытом окне.

Летучая мышь, диковинный пятилапый зверёк с серой шерстью, с рыжими волосками на мордочке, ощерившейся в давно уже, века тому назад умолкнувшем крике; быстрый зверёк, грабитель древних амбаров и обитатель заброшенных пещер.

Теперь пыльный и немой, недвижимый. Замерший в броске, с широко раскрытыми перепончатыми крыльями.

– Я вот всегда мечтал иметь такого вот зверька, – сказал Энко. – Нет, не ручного любимца, конечно. Они же вымерли давным-давно. Задолго до моего рождения. Хотя бы – такое вот забавное чучело...

Энко перекладывает бумаги у себя на столе. Жёлтые бумаги с искрошившимися краями.

– Тебе, должно быть, непривычно всё это: деревянный стол, заваленный бумагами, чернильница, обточенный по краям, полированный камень пресс-папье, алебастровый пенал для грифелей. Такие вот у меня теперь хранители знаний и мои помощники. Я ведь говорил уже, что не выношу все эти новомодные... глупости...

– Кристаллам памяти не менее трёх сотен лет. А кварцевым пластинам – более тысячи, – возражает Каэ.

Каэ известно (он хороший, очень хороший ученик), что возражать учителю не принято. Но сейчас он отчего-то уверен, что Энко не обидится на него. Быть может, даже обрадуется очередному поводу немного поспорить с учеником, а более – поучить его.

– Всё, что моложе трёх тысяч лет – глупая новомодная выдумка, – с притворной запальчивостью возражает Энко.

И тут же, не выдержав серьёзного тона, улыбается:

– Чепуха, конечно... Бумага так долго не живёт. В хранилищах нашего Храма листы древних рукописей держали в герметичных металлических контейнерах, заполненных инертным газом. Вот так, Каэ! Мы тоже не остались в стороне от прогресса... Так смешно иногда вспоминать!

Энко замолчал и, подняв лист, поднёс его ближе к лампе.

– Что? – спросил Каэ, несколько смущённый затянувшимся молчанием.

Быть может, молчание – намёк учителя? Быть может, время уйти и тревожить Энко распросами?

– Что смешного?

Энко посмотрел на него исподлобья. Положил бумагу на стол и осторожно, бережно провёл по ней ладонью, будто поглаживая.

– Только теперь я понимаю, почему так любил именно бумагу, – прошептал Энко. – Она дышит... Сейчас я это чувствую. Не просто чувствую – слышу. Слышу её дыхание. Она не просто хранит записи, она хранит слова, дыхание, звуки втихомолку проговариваемых слов. Человек, водивший по бумаге тростниковым стеблем, нашёптывал ей свои мысли. Те, что записал. Те, что не захотел или не смог записать. Тексты черновиков, существовавших лишь в его голове и навсегда, казалось бы, ушедших вместе с ним. Воспоминания. Сомнения. Ошибки. Озарения и внезапные открытия. Сначала он беседовал с бумагой. Потом записывал на ней – результат, итог размышлений. А бумага слышала и запомнила всё: начало, комментарии, движение к цели... Всё! Разве кремний или оксид железа запомнит это? Не движение частиц, не волны электромагнитного поля, не телепортационная квантовая связь – нет. Другое, Каэ. Здесь, в этом доме, мне доступны эти древние рукописи... Сам не ведаю, иллюзия ли это, видение... Если и видение, то чудесное. Возможно, большего мне и не надо. Ты знаешь, что сейчас рассказала мне бумага? Послушай!

– Смешно, Каэ, – продолжал Энко. – Я отвечу на твой вопрос. Я и сам услышал ответ только сейчас. Мы не остались в стороне от прогресса. О, нет! Мы не были общиной чудаков, хранящих архивы давно ушедших эпох и в промежутках между медитациями мучающих юных учеников каверзными вопросами на экзаменах. Мы хотели быть полезными сейчас, в наше время, в нашем мире. Мы хотели быть полезными нашим современникам и передать наши познания им и их потомкам. Не для того ли пилотов-исследователей отправляли в наши храмы для обучения и совершенствования в духовной практике? И мы считали себя... если не совер-

шенными, так уж, по крайней мере, вполне сведущими в Учении людьми, способными защитить вашу душу от соблазнов Внешнего Мира, от разрушающего воздействия его агрессивных миров. Мы полагали, что создали сильнейшее противоядие – Учение Света. Гармония с миром, отказ от насилия, жизнь в единстве с мирозданием... Мы не калечим мир, не сокрушаем его, не пытаемся бесконечно, раз за разом – и каждый раз неудачно, переделать его. Наши предки прошли через все возможные, все способные к рождению в человеческом сознании заблуждения. И много веков назад пришли к единственно возможному выводу: надо просто жить в данном нам мире. Не мучить его. Не убивать. Либо такая жизнь. Либо, рано или поздно, смерть. Так, Каэ?

Денкис кивнул, подтверждая правильность слов учителя. Он слышал эти слова с детства, они сопровождали его всю жизнь: все годы, все дни. Об этом говорили ему родители, учителя, наставники Школы Исследователей, служители Храма... и его, лично его учитель Энко говорил о том же.

Почему же сейчас он повторяет эти слова, но в голосе его нет прежней веры, прежней убеждённости в своей правоте?

Что смутило его? Что заставило пересмотреть прежние свои взгляды?

Что нашептала ему старая эта, жёлтая, едва не осыпающаяся пылью бумага?

– Мы думали, что познали, наконец, себя, выполнив свой главный долг перед Творцом, – сказал Энко.

И на мгновение приложил палец к виску.

– Думали...

Энко отрицательно качнул головой.

– Заблуждались, Каэ. Мы просто нашли подходящий духовный транквилизатор для нашего мира. Победили, так сказать, дурные страсти... Или сделали вид, что победили. Возможно, наши заблуждения были полезными. До поры до времени – они обеспечивали гармонию в общинах Зелёного Мира, уберегали вас от войн, социальных потрясений, амбиций агрессивных вождей... От которых, кстати, Мир избавился во многом благодаря нам и нашим так удачно пришедшемся вам по нраву... заблуждениям. Мы были уверены в том, что создали универсальный рецепт если и не абсолютно счастливой, то уж, по крайней мере, вполне достойной и бесконфликтной жизни. О, эта наша вечная, неизбывная, неисправимая, всегда слепая самоуверенность! Почему, почему она вовремя не оставила нас?

– Мы не были встревожены первыми полётами наших исследовательских кораблей за пределы нашей звёздной системы, – говорил Энко.

И голос его стал подрагивать от волнения.

– Мы вместе со всеми приветствовали открывателей новых миров, исследователей бесконечно отдалённых от нас планет, капитанов, наносивших на карты рисунки и координаты новых звёздных систем. Информация потоком шла в базы данных исследовательского флота, экспедиции Мира всё дальше и дальше уходили в чёрные океаны Космоса, и мы были счастливы, счастливы вместе с вами. Нас не насторожили даже первые контакты наших исследователей с представителями тех миров, где были разумные, хотя поначалу и весьма простые по устройству общин формы жизни. Даже тогда сердца наши не дрогнули! Никакого озарения, Каэ, никакого!

Энко замолчал, делал пару загов, держась за сердце, и, застонав, опустился в старинное жёлтого дерева кресло с толстыми гнутыми ножками, что стояло в углу комнаты.

Каэ встревожено бросился к нему. Наклонился, тихо тронул за локоть.

– Учитель, сердце? Вызвать врача? Есть лекарства здесь?

Энко поднял руку и поводит её в воздухе, будто пытаясь отмахнуться или попросить Каэ о молчании.

Достал платок и, откашлявшись, вытер слюну по уголкам рта.

– Ни к чему...

Каэ присел на корточки у кресла, чтобы не быть выше учителя.

– Не надо лекарств, – отдышавшись, сказал Энко. – Это место – само лекарство. Только вот лечит не сразу. Надо подождать... Я до сих пор не привыкну к некоторым особенностям моего жилища. Иногда делаю резкие движения, говорю громко, не сдерживаю эмоций... Здесь так нельзя! Это надо запомнить, Каэ. Это полезно знать: надо уметь сдерживать свои порывы. Иначе... Возникают вот эти фантомные боли... Как я сказал?

Энко улыбнулся и хлопнул себя по лбу.

– Вот ведь пошутил, старый дурак! Фантомные боли!

И рассмеялся.

«Смеется – значит, легче стало» подумал Каэ.

И встал. На пару шагов отошёл – в середины комнаты. Он и сам не мог понять, почему ему так захотелось постоять у стола, заваленного рукописями. Протянуть руку к листкам... И что? Потрогать их?

Зачем? Просто почувствовать бумагу – на ощупь? Из любопытства?

«Возможно, просто из любопытства» подумал Каэ. «Я ведь никогда не держал в руках бумагу. Отличается она на ощупь от листьев? Или травы? Или, скажем, тонкой ткани из древесных волокон?»

Он протянул руку.

– Нет, – остановил его увидевший этот жест Энко. – Не надо! Ни к чему...

Каэ опустил руку и, смущённый, отошёл от стола.

– Успеешь ещё, – сказал Энко. – Сейчас тебе это ни к чему. Лучше послушай меня, Каэ! Внимательно! И постарайся запомнить то, что я скажу. Это не спасёт тебя и не сделает твою жизнь легче, но, по крайней мере, ты будешь знать, где прячется твой страх, твоя слабость и, возможно, истоки нашей общей гибели.

«Очередное пророчество?» с иронией подумал Каэ.

Он не верил легендам о гибели Мира. Ведь его учили, что Мир удалось сделать вечным, и разрушить его теперь никому не под силу.

И сам Энко когда-то говорил об этом... Или это тоже часть большого заблуждения?

– Вы уже встретились с теми, кто не остановится перед разрушением нашего Мира, – произнёс после короткой паузы Энко. – Но главное не это. Те, разрушители... Будет возможность, скажи Эвии и всем, кому сможешь: они не монстры. Они люди. У них есть свой мир, свои города, свои дома. Свои семьи и свои дети. Своя любовь, быть может, не меньшая, чем та, что испытываем мы к любимым людям. У них есть свой мир, который они любят и берегут. И поверь, Каэ, они и сами не ведают того, что губят себя...

– Себя?! – воскликнул Каэ. – Какое нам дела до их гибели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.